

Пока мы помним мёртвых

АРСЕНИЙ ВОЛЖИН

Арсений Волжин

Пока мы помним мёртвых

«Автор»

2026

Волжин А.

Пока мы помним мёртвых / А. Волжин — «Автор», 2026

Одиннадцать лет Сухой Берег живёт без связи с метрополией и доверяет Дом памяти — архиву цифровых копий умерших специалистов. Археолог Нера Вайс находит браслет матери с записью, сделанной через девять часов после её официальной смерти. Значит, копирование не завершало жизнь так чисто, как утверждает закон, а последние поступки людей кто-то стирал ради удобной общей истории. Остановить Неру пытается её собственная цифровая копия. Она помнит ту же семью и ту же травму, но за три года стала отдельным человеком и боится, что противоречащие друг другу версии прошлого разрушат колонию. Чтобы открыть скрытые записи и северный запас воды, Нере придётся навсегда отдать единственную память, в которой голос погибшей матери ещё кажется родным. А затем решить, как сохранить мёртвых, не позволяя им управлять живыми.

© Волжин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Станция под пылью	6
Глава 2. Девять лишних часов	12
Глава 3. Колония без неба	18
Глава 4. Мой голос в Доме памяти	25
Глава 5. Материал позже смерти	33
Глава 6. Последний разговор	39
Глава 7. Удобные мёртвые	45
Глава 8. Северный путь	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Арсений Волжин

Пока мы помним мёртвых

От автора

Мы часто говорим о памяти так, будто она хранит прошлое целиком. Но любая память оставляет одни вещи и теряет другие, а общий архив добавляет к этому человеческий выбор: чей голос считать окончательным, какое свидетельство признать удобным, какое расхождение убрать ради порядка.

Эта история начинается в колонии, где голоса умерших помогают живым поддерживать воду, тепло и машины. Здесь память стала необходимой частью хозяйства, а потому спор о прошлом нельзя отложить до спокойных времён. Спокойных времён может не быть.

В романе копия сознания не переносит душу и не доказывает бессмертие. Она создаёт человека, который помнит жизнь до определённой минуты и с этого момента меняется отдельно. Именно поэтому две версии могут быть честными и всё же говорить разное.

«Пока мы помним мёртвых» — книга о цене единственной правильной истории. О том, можно ли сохранить доверие, не стирая неудобные свидетельства. И о памяти, которая остаётся важной даже тогда, когда перестаёт утешать.

Глава 1. Станция под пылью

Пыль на станции «Кедр» лежала ровно, пока Нера не увидела след ладони.

Не отпечаток целиком — четыре дуги у самой двери, будто человек упал на колено и придержался за стену. Серый налёт заполнил старые царапины, а в середине каждой дуги проступал чёрный металл. След выглядел свежим.

Нера остановилась на третьей ступени и подняла руку. Тар, шедший за ней с ящиком, замер. На его дыхательной маске качнулась капля.

— Что?

Она показала на стену.

Тар приблизил фонарь, но не переступил через её сапог.

— Твой?

— Я сюда ещё не входила.

— Смотритель мог оставить.

— Станцию закрыли двенадцать лет назад.

— Тогда смотритель очень медленный.

Шутка прозвучала глухо под маской. Нера не ответила. Она достала из нагрудного кармана плоскую кисть и провела по краю следа. Пыль осыпалась сухим ручейком. Под верхним слоем не было светлой полосы, которая осталась бы после недавнего касания. Ладонь отпечаталась до того, как вентиляция замолчала, а потом двенадцать лет пыль медленно обводила пустоту.

— Старый, — сказала она. — Человек коснулся стены в последние часы работы станции.

Тар опустил ящик на ступень.

— Мне нужны две керамические втулки, Нера. Не последние часы.

— Втулки не убегут.

— Вода уйдёт.

Он говорил так каждый раз, когда считал её работу роскошью. В Сухом Береге любая вещь должна была пригодиться сегодня: дверь — закрываться, провод — нести ток, память умершего специалиста — отвечать на вопрос живого мастера. Нера занималась тем, что не всегда приносило пользу к вечеру. Она находила причины, по которым двери заклинило, провода оборвались, а мёртвые отвечали именно так, как отвечали.

На этот раз втулки действительно были важнее следа. Северная ветвь собирала талую воду всего шесть недель в году. Один насос уже бил подшипником, второй держался на временной прокладке. Если они не найдут керамику до следующего запуска, Тар остановит подачу в два жилых яруса.

Нера сняла со стены маленькую пластину пыли вместе с отпечатком и вложила в бумажный карман.

— Теперь можно за втулками.

Тар поднял ящик.

— Ты когда-нибудь выбросишь образец, если он ничего не объяснит?

— Он уже объяснил, что перед закрытием здесь кто-то падал.

— Или завязывал шнурок.

— На высоте груди?

Тар посмотрел на след ещё раз и первым отвернулся.

Дверь станции не открылась от механического ключа. Нера вставила рукоять ломика между створкой и рамой, Тар нажал плечом. Металл скрипнул, пыль взвилась из щели. За дверью пахло старой изоляцией, сухой глиной и чем-то сладким, давно лишившимся названия.

Они переждали облако в масках. Фонари выхватили зал с перевёрнутыми креслами. На стене висела схема эвакуации: зелёные стрелки сходились к западному выходу, которого больше не было. Склон обрушился на него в тот же день, когда погибла Лада Вайс и станцию вычеркнули из рабочего списка.

Нера не произносила имя матери перед входом. Не потому, что боялась. Просто имя сразу превращало место в семейную комнату, а ей нужна была станция: швы, крепления, следы нагрузки. Память мешала смотреть на предмет целиком.

Тар направился к служебному коридору.

— Насосная там.

— Сначала проверим воздух.

— Мы в масках.

— А искра не в маске.

Она включила ручной пробник. Стрелка дрогнула у красной черты, затем вернулась. Горючего газа не было, но в нижних нишах оставался старый заряд батарей. Нера пометила их жёлтым мелом и натянула поперёк прохода ленту. Если Тар уронит стальной ключ, им не придётся спорить о пользе археологии.

Они шли медленно. Под подошвами хрустели прозрачные таблички. Когда-то на них светились направления к вагонам, медпункту и комнате снимков. Теперь буквы осыпались от прикосновения.

В первом служебном отсеке стояли две насосные рамы. Тар присел перед ближней и выругался.

— Сняты.

На месте втулок темнели пустые отверстия.

— Во время эвакуации? — спросила Нера.

— Такие не снимают при эвакуации. Нужно вывести вал, ослабить скобу, ждать, пока остынет. Кто-то разбирал насос после закрытия.

— Или до него, если знал, что станцию не запустят.

Тар провёл пальцем по посадочному месту.

— Без задиров. Снимал мастер.

Нера осветила пол. Пыль скрывала обычные следы, но под рамой лежал обрывок упаковочной нити. Один конец уходил в коридор. Нить была тонкой, медной — такую использовали в пломбах старых складов.

— Идём по ней.

— Втулки могли унести куда угодно.

— Мастер не бросил бы пломбу на проходе, если бы не спешил.

— Ты это знаешь из слоя пыли?

— Из того, что мастера не любят получать проволокой по ногам.

Коридор вывел их к комнате снимков. Дверь была закрыта изнутри ручным засовом. Тар постучал костяшками, словно ожидал ответа.

— След на лестнице, снятые детали, засов. Кто-то остался после эвакуации.

— Кто-то мог запереть дверь и выйти через технический лаз.

— Ты сейчас нарочно говоришь как археолог?

— Я хочу втулки.

Нера нашла в стене аварийный привод. Его крышка держалась на одном винте. Под ней была цепь, покрытая серой смазкой. Она потянула. За дверью что-то ударилось о пол, засов отошёл на ладонь и застрял.

— Там предмет, — сказала Нера.

— Или человек.

— За двенадцать лет это уже предмет.

Тар посмотрел на неё поверх маски. Она пожалела о фразе, но не забрала её. На старых станциях приходилось разделять человека и останки, иначе руки начинали обращаться с каждым ремнём как с телом и переставали работать.

Они приоткрыли дверь и просунули фонарь. За створкой лежал металлический шкаф. Он упал поперёк входа. Нера протиснулась внутрь боком, закрепила верёвку на ручке шкафа и подала конец Тару. Вместе они сдвинули тяжёлый ящик достаточно, чтобы открыть дверь.

Комната снимков была меньше, чем Нера помнила по плану. Три кресла стояли полукругом вокруг цилиндра записи. Медные обручи висели над подголовниками. На дальней стене темнели прямоугольники, оставшиеся после снятых накопителей. Здесь копировали специалистов «Кедра» перед закрытием станции. Признанные версии ушли в Дом памяти, тела уничтожили в соседнем медицинском отсеке.

Так значилось в официальной описи.

На полу у первого кресла лежал рабочий браслет.

Нера не сразу подошла. Кольцо было широким, старого образца, с прозрачным ребром для телесной записи. Такие браслеты носили после снимка до завершения процедуры: врач следил за температурой, движением, речью и простыми реакциями. После уничтожения тела запись сравнивали с копией, подтверждали отсутствие грубой ошибки и стирали.

Тар поднял шкаф вертикально и увидел браслет.

— Это можно продать Дому памяти?

— Нельзя продавать то, что принадлежит архиву.

— Тогда отдать за разрешение снять втулки с резервной линии.

— Сначала понять, почему его не уничтожили.

— Ты всё превращаешь в вопрос.

— А ты — в запасную часть.

Он хотел ответить, но заметил раскрытую панель за креслом. Внутри, в гнезде охлаждения, белели две керамические втулки.

— Вот, — сказал Тар. — Мир снова имеет смысл.

Он опустился к панели. Нера остановила его за локоть.

— Не трогай. Сначала снимок расположения.

— Я не сдвину браслет.

— Втулки стоят в блоке записи. Если их переставили из насосной, это тоже след.

Тар шумно выдохнул и дождался, пока она установит мерную рейку, снимет общий вид и крупные планы. Втулки подходили к северному насосу по размеру. Кто-то вынул их из работающей машины и поставил в устройство памяти, которое уже не собирались использовать.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы запустить цилиндр после отключения основного питания.

— Две керамики не дадут питание.

— Они удержат вал ручного генератора. Посмотри на привод.

Сбоку цилиндра торчала складная рукоять. На металле сохранились тёмные полосы от ладоней. Кто-то крутил генератор долго: смазка ушла из втулок, а на полу лежала дорожка керамической пыли.

Тар больше не торопил её. Он присел и осветил под кресло.

— Здесь ещё одна пломба.

Медная нить от насосной заканчивалась у маленького ящика. Пломбу сорвали, крышку закрыли поверх обломка. На ней стояло клеймо медицинской смены и дата официального закрытия «Кедра».

Нера надела тонкие перчатки. В ящике лежали три пустых гнезда и бумажная полоска. Чернила выцвели, но нажим пера сохранился.

«Не сверять через Дом».

Ни подписи, ни объяснения.

— Знакомый почерк? — спросил Тар.

— Нет.

Она солгала слишком быстро.

Лада писала букву «Д» с прямой левой ножкой. В детстве Нера копировала её записки и никак не могла сделать такую же. На полоске было всего три слова, но рука матери проступала в каждом.

Нера убрала бумагу в прозрачный карман и только потом подняла браслет. Прозрачное ребро оказалось тёплым.

Она едва не бросила его.

— Что?

— Остаточный заряд.

— Через двенадцать лет?

Нера приложила пробник. Стрелка поднялась на два деления. Внутри браслета работала химическая ячейка медленного хода. Такие ставили на аварийные медицинские записи, если пациента нельзя было сразу доставить к считывателю. Двенадцать лет были за пределом расчёта, но ячейка лежала в сухом холодном помещении и тратила заряд только на сохранение последнего слоя.

— Если включишь, он умрёт? — спросил Тар.

— Может.

— Тогда не включай здесь.

Нера посмотрела на него.

— А втулки?

Он коснулся белых колец, но не вынул.

— Если они держат генератор записи, сначала снимем весь блок. На северный насос поставлю временные. Недельку выиграем.

Это была большая уступка для человека, считавшего воду мерой всему. Нера достала мягкую оболочку, уложила браслет и запечатала край.

На внутренней стороне ремня проявилась маркировка владельца. Пыль забила буквы, и Нера провела кистью.

ЛАДА ВАЙС.

Тар прочитал через её плечо.

— Нера.

Она продолжала держать кисть, хотя чистить было нечего.

Официальная копия Лады хранилась в Доме памяти. Нера разговаривала с ней трижды: после похорон, при поступлении в школу археологов и три года назад перед собственным снимком. Архивная Лада помнила утро эвакуации «Кедра». Потом воспоминания обрывались в комнате снимков. По документам исходное тело уничтожили через двадцать две минуты после копирования.

Браслет показывал время начала записи. Нера поднесла его к фонарю.

Дата совпадала. Часы — нет.

Запись началась через сорок одну минуту после официального уничтожения.

— Ошибка счётчика, — сказал Тар. — Старый прибор.

— Счётчик питался от станции в момент установки.

— Тогда неверная опись.

— В описи есть подпись врача и два автоматических знака.

— Подделали.

— Зачем оставлять браслет?

Тар оглянулся на ручной генератор, переставленные втулки и записку.

— Чтобы записать то, чего не должна помнить копия.

Нера закрыла обложку. Ей хотелось немедленно отнести браслет в Дом памяти, положить перед цифровой Ладой и потребовать ответ. Но записка говорила обратное. Почерк матери просил не сверять через Дом.

Они продолжили осмотр. В соседнем медицинском отсеке не было останков. Камера уничтожения стояла открытой и чистой, будто её подготовили, но не включили. На сливной решётке отсутствовали следы реагента. Нера взяла два мазка, хотя уже понимала: официальная процедура здесь не проходила.

За камерой находился технический лаз. Он вёл вниз, к грузовой платформе. По стенкам тянулись старые царапины от носилок. Тот, кто оставил ладонь у входа, мог упасть, подняться, дойти до комнаты снимков, сделать запись и уйти через нижний путь.

Или его унесли.

Тар заглянул в темноту.

— Платформа выходит к северному склону. Там был служебный тоннель.

— На нынешних схемах его нет.

— После обвала всё севернее станции обозначили закрытой зоной.

— Вода тоже севернее.

Тар посмотрел на неё и понял раньше, чем она сказала.

— Браслет может хранить путь.

— Последние девять часов движения. Если я правильно читаю заряд.

— Тогда мы отнесём его Эве.

— Не в Дом памяти.

— Эва работает на Дом.

— В своей мастерской она сначала смотрит на вещь, потом на печать.

— А твоя копия?

Нера не ответила.

Цифровая Нера дежурила в Доме памяти по ночам, когда живые специалисты спали. Она знала все полевые привычки Неры до снимка, умела предсказывать, в какую нишу та спрячет находку и к кому пойдёт с повреждённым носителем. Обмануть её значило обмануть себя трёхлетней давности — человека, который ещё слышал голос матери без помощи записи.

Они сняли блок генератора целиком. Тар уложил втулки в ящик вместе с валом, дополнительный лишним весом, но не предложил разрушить устройство. Нера опечатала комнату новой медной нитью и записала два имени: своё и Тара. Если кто-то придёт после них, тайного осмотра уже не получится.

На выходе она снова остановилась у следа ладони. Теперь дуги выглядели не как случайное касание. Человек шёл к комнате снимков после времени, когда его тело по документам перестало существовать.

Нера приложила свою ладонь рядом, не касаясь стены. Пальцы совпали по длине.

Лада была ниже дочери, но кисти у них всегда были одинаковыми. В детстве они прикладывали ладони к стеклу кухонной двери, и мать смеялась, что Нера растёт не вверх, а из пальцев.

Нера убрала руку.

Память пришла слишком ясно: мокрая ткань материнской куртки, запах железной воды, тёплая ладонь на затылке. Последний разговор перед сменой на «Кедре». Лада сказала, что вернётся вечером и принесёт с северного склона горькие ягоды.

Архивная Лада этого разговора не помнила. Снимок сделали утром.

На поверхности ветер гнал пыль вдоль бетонных плит. Вдали над Сухим Берегом стояли белые башни накопителей воды. Одна была ниже остальных на два деления.

Тар закрепил ящик на тележке.

— До темноты четыре часа. Если Эва прочитает путь, завтра проверим тоннель.

— Если прочитает.

— Ты всегда оставляешь себе плохой выход?

— Я оставляю место тому, чего ещё не знаю.

Они прошли половину спуска, когда браслет внутри оболочки щёлкнул.

Нера остановила тележку. На прозрачном ребре загорелась одна красная точка. Потом вторая. Химическая ячейка почувствовала тепло и вышла из глубокого хранения.

— Он включился сам, — сказал Тар.

Нера достала браслет, не раскрывая оболочки. На боковой пластине был старый звуковой вывод. Запись не должна была проигрываться без считывателя, но повреждённый прибор начал аварийную проверку.

Из крошечного отверстия донёсся шум. Скрежет ручного генератора. Чьё-то тяжёлое дыхание. Затем женский голос, слабый и сердитый:

— Если Дом получил это, значит, они опять оставили только утро.

Нера знала этот голос.

Не архивный — ровный, очищенный от хрипа и пауз. Живой голос матери, запыхавшейся после подъёма, с привычной сухостью на последнем слове.

Тар снял маску, будто пластик мешал ему слышать.

Запись продолжилась:

— Нера, не верь времени уничтожения. Я вышла со станции после снимка. Северный путь был открыт. Сал закрыл его не из-за обвала.

Красная точка погасла. Браслет снова стал немым.

Нера держала его обеими руками. Внизу белели башни воды. Над ними, в центре колонии, тёмное здание Дома памяти хранило другую Ладу — ту, которая никогда не произносила этих слов.

Тар первым посмотрел на часы.

— Запись датирована?

Нера повернула ребро к свету. После аварийного запуска на нём проступили последние цифры.

Девять часов семнадцать минут после официального уничтожения.

Она снова запечатала оболочку.

— В мастерскую Эвы, — сказала Нера. — И ни одного запроса в Дом.

Тележка покатила вниз. За их спинами станция «Кедр» закрылась новой пломбой, но найденный голос уже не помещался внутри.

Глава 2. Девять лишних часов

Эва не спросила, откуда браслет, пока не закрыла мастерскую изнутри.

Она опустила на дверь железную скобу, вынула из стены световой шнур и только после этого повернулась к Нере. В тесной комнате стало темнее. Над верстаком горела одна лампа, подключённая к ручному накопителю. Её жёлтый круг не доходил до оконной щели и оставлял Тара у стены почти без лица.

— Теперь показывай.

Нера поставила мягкую оболочку на пустой лоток. Эва не прикоснулась к ней. Сначала разложила вокруг три медные пластины, соединила их тонкой проволокой и проверила стрелочным прибором.

— Это от Дома? — спросил Тар.

— Это от всего, что любит разговаривать без спроса.

— Браслет старше половины твоих приборов.

— Поэтому он опаснее половины моих приборов. Новые хотя бы честно пищат, когда зовут хозяина.

Нера рассказала о комнате снимков, ручном генераторе и чистой камере уничтожения. Не стала пересказывать голос Лады по памяти: вынула свой полевой звукописец и положила рядом с оболочкой. Эва прослушала отрывок один раз. На словах о Сале её рука остановилась над медной пластиной, но лицо не изменилось.

— Ещё кто слышал?

— Мы двое.

— Станционный цилиндр мог передать пробуждение?

— Основная связь снята. Мы не подавали питание.

— Вы подали тепло. Для аварийной ячейки это питание.

Эва подняла оболочку щипцами и посмотрела на красные точки в ребре. Они не горели, но внутри время от времени проходила слабая тень, словно под прозрачным слоем поворачивалось маленькое колесо.

— Носитель проснулся, — сказала она. — Сейчас он считает, что его несут к медицинскому считывателю. Если не получит ответа, начнёт повторять аварийный вызов. Сначала звуком, потом коротким знаком по проводу, если найдёт провод. В Дом мы его не включим. Но даже мой стол для него провод, если положить не той стороной.

Тар посмотрел на деревянную столешницу.

— Здесь нет связи.

— Здесь есть земля, отопительная труба и городской ток. Для старой техники этого достаточно, чтобы испортить вечер.

Эва достала из нижнего шкафа толстую стеклянную банку с двумя перчатками, вделанными в крышку. Внутри лежала сухая глина. Она высыпала глину, протёрла дно и велела Нере переложить браслет через рукава. Затем поставила банку на четыре фарфоровые чашки.

— Теперь можно читать оболочку. Сам слой пока не трогаем.

— Нам нужна метка времени, — сказала Нера.

— Метка на ребре могла сбиться.

— На станции она показала девять часов семнадцать минут после уничтожения.

— Значит, проверим не цифры, а то, откуда они взялись.

Эва работала не так, как мастера Дома памяти. Там носитель вставляли в белое гнездо, ждали зелёный знак и получали готовую справку: владелец, час снимка, час уничтожения, совпадение с признанной копией. Эва раскрутила корпус вручную. Под каждым винтом клала отдельный клочок серой бумаги и рисовала положение царапин. Нера узнавала собственную

привычку разбирать находку слоями и впервые подумала, что мастерская Эвы тоже была местом раскопок, только пыль здесь заменяли следы нагрева.

Под внешним ребром обнаружили три часовщика. Так колонисты называли крошечные пластинки, каждая из которых отмечала время по-своему. Первая считала колебания общего тока станции. Вторая хранила удары химической ячейки. Третья записывала нагрев кожи владельца и могла только подтвердить, что браслет находился на живом теле.

Эва подвела к первой пластинке две иглы, не замыкая цепь.

— Станционные часы остановились в шестнадцать сорок две. По описи тело Лады Вайс уничтожили в семь двадцать пять.

— Разница девять часов семнадцать минут, — сказал Тар.

— Не торопись. Если станция потеряла общий ток раньше, метка ничего не доказывает. Нера достала полевую книжку.

— В комнате снимков работал аварийный свет. Ручной цилиндр запустили втулками из насосной. Общая линия могла быть мертва.

Эва повернула браслет внутри банки. Под ремнём нашёлся узкий паз, забитый серой крошкой. Она собрала её на липкую полоску и положила под увеличительное стекло.

— Что за пыль?

Тар наклонился ближе.

— Керамика. Такая же была под генератором.

— Значит, браслет лежал рядом, пока крутили вал, — сказала Нера.

— Или его туда принесли позже, — возразила Эва. — Но часовщик общего тока получил последний удар именно от ручного генератора. Форма неровная. Сеть так не дышит.

Она показала им ленту под стеклом. Ровные частые зубцы обрывались, затем начинались широкие, неодинаковые. Человек у рукояти уставал, останавливался и снова крутил.

— Этот последний удар записан в шестнадцать сорок две по собственному счёту станции, — сказала Эва. — Теперь химический часовщик.

Вторая пластинка дала ряд тёмных точек. Эва считала их молча, касаясь каждой тупой иглой. Потом пересчитала ещё раз с конца.

— Ячейку вставили утром, когда общий ток ещё шёл. Счёт совпадает с проверкой мед-пункта. После официального уничтожения она работала девять часов семнадцать минут до последнего станционного удара. Погрешность — меньше трёх минут.

Тар выпрямился.

— Значит, опись подделана.

— Значит, браслет продолжал вести время, — ответила Эва. — Опись могла ошибиться. Ячейку могли переставить. Сам браслет мог лежать без человека.

— Он произнёс её голос.

— Голос можно записать раньше.

Нера не спорила. Эва отказывалась дарить им удобный вывод, и именно поэтому Нера принесла находку к ней.

— Третий часовщик, — сказала она.

Эва долго не отвечала. Третья пластинка была тоньше ногтя и не имела вывода наружу. Чтобы прочитать её, требовалось дать слабое тепло, похожее на человеческую кожу. То же тепло могло окончательно разбудить весь браслет.

— Если слой откроется, он попытается свериться, — сказала Эва. — В старом порядке проверка обязательна. Носитель спросит у признанной копии, закончилась ли жизнь владельца правильно. Вопрос уйдёт в Дом раньше, чем мы увидим ответ.

— Можно отрезать вопрос?

— Можно не подключать браслет. Всё остальное — обещание, которое техника не давала.

Тар ударил костяшкой по стене.

— У нас через неделю встанет северный насос. В записи есть путь к воде. Мы не можем оставить её в банке.

— Если разбудим сейчас, через десять минут здесь будет Сал.

— Тогда через девять.

Эва впервые улыбнулась, но тут же стёрла улыбку ладонью.

— Ты думаешь, Дом медленный, потому что в приёмной старые стулья. Дом памяти слышит город лучше водяной службы.

Нера смотрела на браслет. За стеклом он казался обычной личной вещью: потёртый ремень, мутное ребро, буквы имени. Его носила женщина, которая обещала принести дочери горькие ягоды. Теперь эта вещь могла либо подтвердить девять часов жизни, либо позвать тех, кто уже однажды превратил их в пустое место.

— Не буди слой, — сказала Нера. — Сними отпечаток часовщика без тепла.

— Он будет неполным.

— Неполный след лучше вызова.

Эва подложила под пластинку холодную медную плёнку. На ней проступали не значения, а крошечные места изменения металла. Работа заняла почти час. Тар дважды подходил к двери, слушал улицу и возвращался. Нера переписала все отметки с внешнего корпуса, хотя знала их наизусть.

Когда Эва закончила, на плёнке лежала цепочка из тёмных овалов. Первые шли ровно. После официального часа уничтожения они продолжались. В середине становились частыми, потом редкими, потом снова частыми.

— Нагрев кожи, — сказала Эва. — Здесь человек шёл или работал. Потом долго находился на холоде. Потом снова двигался.

— До последней отметки?

— До неё и ещё немного после. Последняя полная отметка — за две минуты до записи голоса. На браслете было живое тело.

В мастерской стало слышно, как в трубе за стеной бежит вода. Тар прислонился затылком к кирпичу. Нера не почувствовала победы. Подтверждение не возвращало матери девять часов. Оно только делало официальную смерть поступком людей, а не цифрой в старой бумаге.

Эва сняла плёнку и разрезала её на три части.

— Одну тебе, одну мне, одну Тару. Если нас спросят, это след старой медицинской пластины без имени.

— Нас уже могут спросить, — сказала Нера.

— Почему?

— Я должна была сдать полевой отчёт после выхода со станции.

Тар посмотрел на часы.

— До конца смены ещё сорок минут.

— Моя копия не ждёт конца смены.

Три года назад, сразу после пробуждения, цифровая Нера получила работу ночного сверщика. Она читала полевые описи, пока телесные археологи спали, сопоставляла найденные детали с архивными схемами и к утру готовила вопросы. В этом была жестокая точность: Дом памяти решил, что Нера лучше всех проверит Неру. Первые месяцы телесная версия спорила с каждым замечанием, потом научилась отделять придирки от полезного. Цифровая — научилась узнавать ложь по пустым строкам.

Сегодня Нера отметила выход на «Кедр», но не передала ни одного снимка.

— Отправь обычный отчёт, — предложила Эва. — Втулок нет, проход закрыт, осмотр продолжится.

— Это ложь, которую я бы сама заметила.

— Тогда напиши часть правды.

Нера вынула полевую книжку. Отчёт можно было передать из мастерской по городскому шнуру, не соединяя браслет с сетью. Она написала о снятых втулках, найденном ручном генераторе и техническом лазе. Не упомянула браслет, имя Лады и голос. В строке «личные носители» поставила прочерк.

Не отправила.

— Что? — спросил Тар.

— Она сравнит время. На разбор генератора и обратную дорогу ушло бы на два часа меньше.

— Напиши, что я тащил медленно.

— Ты бы написал жалобу на меня за такую клевету.

— Завтра.

Нера добавила, что они брали образцы из медицинской камеры и ждали, пока старый заряд погаснет. Это объясняло задержку и было правдой. Затем передала отчёт.

Ответ пришёл раньше, чем погасла лампочка отправки.

«Не хватает приложения о найденных носителях».

Под строкой стоял знак ночного сверщика: узкий треугольник, который Нера придумала ещё в школе. Она ставила его на полях, если вопрос требовал не ответа, а возвращения к месту.

Тар прочитал через плечо.

— Откуда она знает?

— Не знает. Спрашивает.

— Быстро спрашивает.

Нера открыла описание станции в старой описи. В комнате снимков числились четыре рабочих браслета, все уничтоженные. Если цифровая Нера увидела ручной генератор в отчёте, она должна была проверить, что им запускали. Вопрос был не догадкой, а тем же путём, которым телесная Нера пришла к находке.

— Она знает, что я что-то пропустила, — сказала Нера. — Пока не знает что.

На стене Дома памяти, в трёх кварталах от мастерской, цифровая Нера открыла полевой отчёт во второй раз.

Ей не требовалось спать, но Дом делил сутки на смены, чтобы копии не теряли человеческий ритм. По ночам залы пустели. За дверями тихо работали охлаждающие машины, а на длинной стене появлялись лица дежурных специалистов. Нера занимала шестое окно, между умершим геодезистом и женщиной, которая знала все старые сорта зерна.

Отчёт телесной Неры был аккуратен слишком поздно. В нём имелись размеры втулок, состояние камеры уничтожения и даже образец пыли с ладони. Не было того, ради чего после закрытия станции крутили ручной генератор.

Цифровая Нера построила путь осмотра по времени снимков. Лестница. Насосная. Комната снимков. Медицинский отсек. Лаз. Между комнатой и отсеком — двадцать семь минут без изображения.

Телесная Нера никогда не тратила двадцать семь минут на пустое помещение. Она могла стоять над человеческим предметом долго, но тогда обязательно записывала, почему не касается его.

Цифровая Нера вызвала перечень личных носителей «Кедра». Четыре строки были закрыты серой печатью: уничтожены после успешной сверки. Владелица второй строки — Лада Вайс.

Память о матери пришла к ней целиком, с запахом мокрой куртки и тёплой ладонью на затылке. Для цифровой Неры эта память не была старой записью. Она помнила её так же, как свет над архивной стеной: непосредственно, без просьбы и разрешения.

Она открыла черновик вызова зрителю.

Закрыла.

Телесная Нера скрывала находку. Это нарушало порядок и могло повредить носитель. Но если она не понесла его в Дом, значит, увидела причину не доверять Дому. Три года назад обе Неры одинаково относились к такой причине: сначала проверить предмет, потом обвинять человека.

За три года цифровая версия научилась другому. Она видела, как одна неверная семейная запись останавливала раздел дома, как два несовпадающих приказа мёртвого мастера оставляли насос без ремонта, как живые выбирали тот голос, который обещал им больше. Единая признанная копия была грубой опорой, но на ней держались решения колонии.

Она снова посмотрела на серую строку Лады.

Потом поставила рядом с отчётом не требование, а напоминание: «Приложение должно быть передано до утреннего разбора». У телесной Неры оставалось семь часов.

В мастерской знак появился на бумажной ленте как ряд проколов. Нера провела по ним пальцем и сразу поняла тон. Не угроза. Срок.

— Она дала нам ночь, — сказала Нера.

— Или поставила ловушку, — ответил Тар.

— Я бы не стала ловить себя так заметно.

— Ты говоришь о ней как о себе, когда удобно.

— Потому что знаю, с чего она начала. Не знаю, кем стала.

Эва собрала браслет, не возвращая третий часовщик в прежнее положение. Между пластинкой и ребром она вставила тонкий лепесток слюды.

— Это задержит пробуждение, если корпус нагреется. На сутки, может быть на двое. Дольше не обещаю.

— Оставим здесь, — решил Тар.

— Нет, — сказала Эва. — Если Дом придёт проверять меня, найдёт банку раньше инструмента. И я работаю на Дом, как ты любишь напоминать.

Нера знала места, где прятала находки до снимка. Цифровая Нера знала их тоже: пустой ящик под полевыми картами, трещина за старой печью, нижняя полка камеры образцов. Любой привычный тайник был приглашением.

Тар предложил насосную. Там никто не стал бы искать память среди прокладок и ржавых валов. Но северный насос проверяли ежедневно, а вода превращала любую тайну в общественную вещь.

— Архивная Лада, — сказала Нера. — Мне нужно услышать её ответ до того, как мы спрячем браслет.

Эва резко повернулась.

— Ты только что запретила сверку через Дом.

— Браслет останется здесь, без связи. Я задам вопрос признанной копии как дочь.

— Она сообщит Салу.

— Она может сообщить. Но если Лада знает о девяти часах, мы ошибаемся насчёт того, что скрыто.

— А если не знает?

Нера посмотрела на тёмные овалы телесного часовщика.

— Тогда впервые услышим две разные матери.

Они оставили браслет в стеклянной банке, а банку поставили в переносной ящик Эвы. Тар понёс его к старой водомерной будке у восточного резервуара. Будка не принадлежала Нере, не была мастерской Эвы и не входила в действующий обход Тара: после замены поплавка её открывали только в сухой сезон. Ключ существовал в одном экземпляре и висел у диспетчера, но дверь давно запиралась куском проволоки. Через час Тар вернулся с пустым ящиком и мокрыми коленями.

— Под нижней трубой, — сказал он. — Сухо. Если кто-то откроет будку, сначала увидитдохлый поплавок и уйдёт ругаться.

До Дома памяти Нера дошла одна.

Ночью здание не походило на храм, каким его рисовали детям. Низкий тёмный куб стоял между водяными башнями и старой лечебницей. У входа пахло горячей пылью от охлаждающих машин. Дежурный-живой проверил имя Неры, но не спросил, зачем она пришла. Родственникам разрешали говорить с признанными копиями без записи причины.

Лада появилась в маленьком окне на стене. Ей было сорок девять — возраст снимка. Нера успела стать старше матери на старых семейных фотографиях, но здесь разница сохранялась. Лада носила рабочую куртку «Кедра», чистую и сухую. Волосы были убраны за уши. Голос звучал ровно, без хрипа, который сохранил браслет.

— Ты поздно, — сказала архивная Лада. — Что случилось?

Нера села на стул, прикрученный к полу.

— Ты помнишь утро закрытия «Кедра»?

— Помню. Нас вызвали на снимок после приказа об эвакуации. Северный склон считали опасным.

— Кто отдал приказ?

— Сал передал решение совета. Почему ты спрашиваешь?

— Что было после снимка?

Лада чуть наклонила голову. Так она делала, когда дочь задавала вопрос с уже выбранным ответом.

— Для меня — пробуждение в Доме через шесть дней. Для тела должна была быть стандартная процедура.

— Ты вышла из комнаты снимков?

— Нет.

Ответ прозвучал без паузы.

Нера сжала ладони между коленями. Ей хотелось включить звукописец и дать двум голосам встретиться прямо сейчас. Но записка просила не сверять через Дом, а браслет лежал в темноте у восточного резервуара. Она могла принести только вопрос.

— Ты говорила мне, что северный путь был открыт?

Архивная Лада посмотрела куда-то за пределы окна. Возможно, проверяла собственную память; возможно, видела служебный знак, недоступный посетителю.

— Нет, Нера. После снимка я с тобой не разговаривала. Моё тело уничтожили через двадцать две минуты.

— Ты уверена?

— Это последняя подтверждённая запись моей жизни.

Нера слышала разницу. Не «я помню». Не «это случилось». Подтверждённая запись.

— А если есть другая?

Лицо матери осталось знакомым. В нём не было лжи, только внезапный страх человека, которому сообщили, что его собственная смерть могла пройти без него.

— Тогда не подключай её к Дому, — тихо сказала Лада.

За окном вспыхнул белый знак вызова. Архивная Лада подняла глаза, и ровный голос снова стал официальным.

— Но девяти часов не было. Я не выходила со станции.

Окно погасло.

Нера осталась перед тёмной стеной. В глубине здания работали тысячи сохранённых голосов, и один из них только что отрицал слова той же женщины, произнесённые живым ртом.

До утреннего разбора оставалось шесть часов.

Глава 3. Колония без неба

В Сухом Береге утро начиналось не с рассвета, а с удара по трубе.

В шесть часов водяной мастер открывал подачу в нижние ярусы. Воздух, скопившийся за ночь, проходил через старые стояки и один раз бил в стену каждого дома. После этого люди ставили к кранам тазы, бутылки и жестяные чайники. Через сорок минут труба снова пустела.

Нера услышала удар, когда выходила из Дома памяти. Небо над колонией было уже белым от пыли. Солнце угадывалось круглым светлым пятном, но прямого света не давало. За одиннадцать лет без метрополии защитную завесу ни разу не поднимали полностью: на замену изношенным верхним полотнам не хватало волокна. Дети, родившиеся после обрыва связи, рисовали небо серым и оставляли солнцу маленькое отверстие.

У общественного крана стояла очередь. Женщина в зелёном фартуке держала два ведра и сонного мальчика. Старик прижимал к груди прозрачную бутылку, следя, чтобы сосед не поставил свою раньше. На стене над ними светились три цифры: объём центрального запаса, расход за сутки и число дней до ограничения.

Третья цифра уменьшилась с двадцати восьми до двадцати четырёх.

Нера остановилась.

Вчера башня у «Кедра» была ниже остальных всего на два деления. За ночь колония не могла потерять четыре дня воды. Если только северный насос не начал пропускать больше, чем считал Тар.

У неё в кармане лежала треть холодного отпечатка телесного часовщика Лады. Браслет был спрятан под трубой восточного резервуара. До утреннего разбора оставалось меньше часа, но тайна матери внезапно стала легче ведра. Люди в очереди не знали о девяти стёртых часах. Они знали, сколько кружек можно налить ребёнку.

Нера пошла не домой, а к водосборникам.

Управление Тара занимало бывший грузовой узел. Сквозь раскрытые ворота были видны насосные рамы, длинный стол с разобранными клапанами и пять человек, споривших над мокрой картой. В углу на стене горело лицо архивного мастера. Покойный Ивен Ро уже семь лет помогал чинить систему, которую сам строил. Его цифровая копия выглядела старше архивной Лады: снимок сделали после ожога лёгких, за месяц до смерти.

— Ещё раз, — требовал Тар. — Почему запас упал на четыре дня?

Ивен отвечал терпеливо, как человек, который много раз объяснял одно и то же ученику:

— Потому что ты считаешь потери по уровню в башне, а не по давлению в грунтовой линии. Северная труба берёт воздух. Вода уходит ниже датчика.

— Где?

— Если бы я знал, то сказал бы вчера.

— Ты прокладывал эту линию.

— До снимка. Последнюю переделку делали после моей смерти.

Тар увидел Неру у ворот и махнул ей, не прерывая разговора.

— Что нужно, чтобы найти течь?

— Запустить второй насос и пройти линию по шуму.

— Во втором насосе нет втулок.

— Тогда поставить втулки.

Тар закрыл глаза.

— Они остались в генераторе «Кедра».

Архивный Ивен повернул голову к Нере. Его окно было соединено с Домом памяти обычным городским шнуром. Любое слово о находке могло попасть в утренний разбор раньше неё.

— На «Кедре» не было ручного генератора, — сказал он.

— Был, — ответила Нера.

— Я снимал станцию с линии. Комната копирования питалась от общей сети.

— После закрытия насосные втулки переставили в отдельный вал.

Ивен нахмурился. За его плечом не было комнаты, только ровный серый фон Дома.

— Кто?

— Пока не знаю.

— Зачем?

— Пока не знаю.

Тар ударил ладонью по мокрой карте.

— Прекрасно. Мёртвый не знает, кто переделал его линию. Живая не знает, зачем. А вода уходит сейчас.

Один из молодых мастеров отвёл глаза. С архивными копиями не говорили так резко, особенно если зависели от их памяти. Тар мог себе позволить грубость только потому, что после каждого спора всё равно выполнял точные советы Ивена.

Нера подошла к карте. На ней северная ветвь обрывалась у красной черты закрытой зоны. За чертой был нарисован обвал и слово «непроходимо». На старой схеме станции технический лаз спускался именно туда.

— Кто внёс последнюю переделку? — спросила она.

Тар ткнул в светлую заплату на трубе.

— Лада и Сал. После снимка Ивена, до закрытия «Кедра». Они протянули обходную линию, потому что центральная промёрзла.

Ивен кивнул.

— Я дал расчёт до своей смерти. Работу не видел.

— Документы?

— В Доме есть итоговая схема, — сказал архивный мастер. — Та же, что перед вами.

— На ней нет служебного тоннеля.

— Значит, его закрыли.

Нера слышала в этой фразе архивную привычку: если позднего изменения нет в признанной записи, его как будто не происходило. Ивен не лгал. Его мир действительно заканчивался серой линией.

Тар отключил звук в окне.

— У тебя полчаса до разбора, — сказал он Нере. — Потом твоя копия спросит, где приложение. Что мы делаем?

— Ищем не браслет, а воду.

— Наконец-то.

— Мне нужны все бумажные схемы переделки, не итоговая копия.

— Бумагу сдали в Дом.

— Не всю. На стройке всегда остаются мерные ленты, наряды, расчёт материалов.

Тар посмотрел на мастерскую. За одиннадцать лет здесь ничего не выбрасывали, если вещь могла стать прокладкой, крышкой или растопкой. Бумажные наряды чаще всего шли под банки с маслом.

— Руки есть, — сказал он мастерам. — Ищите всё с датой последней недели «Кедра». Шкафы, ящики, поддоны. Не читать — нести сюда.

Люди разошлись. Архивный Ивен продолжал двигать губами в беззвучном окне. Тар не включал его.

— Он нам ещё нужен, — сказала Нера.

— Знаю. Дай мне минуту не слышать совет поставить детали, которых у меня нет.

— Втулки можно снять с генератора.

— И уничтожить возможность прочесть слой.

Нера посмотрела на него.

— Ты вчера хотел их забрать.

— Вчера я думал, что это старый браслет. Сегодня знаю, что кто-то отдал насос, чтобы записать девять часов. Если я сейчас верну втулки в воду, мы повторим его выбор в обратную сторону.

— Вода важнее записи.

— Не заставляй меня одному это говорить.

Первой находкой оказался лист, на котором половину текста съело масло. Молодой мастер принёс его вместе с деревянной полкой. На обороте сохранился перечень крепежа: восемь длинных скоб, два запорных колеса, двести метров тонкого троса. В итоговой схеме ни троса, ни дополнительных колёс не было.

Нера положила лист к окну.

— Ивен, где использовали этот заказ?

Тар вернул звук.

Архивный мастер прочитал строки.

— Для обходной линии. Трос открывал два затвора с одной площадки.

— Где площадка?

— На северном склоне, ниже «Кедра».

— Почему её нет на схеме?

— Спросите того, кто принял работу.

— Ладу?

— Лада отвечала за запуск. Сал — за безопасность пути.

Нера провела пальцем по пятну масла. Край листа был срезан по диагонали. На бумаге сохранилась половина печати. Вторая половина должна была остаться на корешке строительного наряда.

— Где журнал заказов?

Тар указал на дальнюю стену, занятую ящиками с клапанами.

За ними обнаружился металлический шкаф. Дверь заржавела, и её пришлось снимать с петель. Внутри лежали свёрнутые ведомости, инструкции к давно разобранным насосам и пачка нарядов, перевязанных шнуром. Бумага напиталась железной пылью. Нера надела перчатки и стала разбирать пачку по датам.

Последняя неделя «Кедра» отсутствовала.

Были листы до эвакуации и после неё. Между ними остались концы оборванной нити.

— Снова вынули нужное, — сказал Тар.

— Не нужное. Опасное для новой схемы.

— Ты уже решила, что это Сал.

— Нет. Сал мог закрыть путь из-за обвала. Лада могла приказать уничтожить наряд. Ивен мог ошибиться в расчёте.

— И всё это не меняет, что у нас двадцать четыре дня.

Снаружи кто-то крикнул. По бетонному полу потекла вода. Сначала тонкой змейкой, потом широкой блестящей полосой. Мастера бросились к дальнему насосу. Тар оказался там первым, нырнул под раму и закрутил вентиль. Струя ударила ему в плечо.

Архивный Ивен заговорил без вопроса:

— Не закрывай резко. Сорвёшь нижнюю прокладку.

Тар отдернул руку и повернул колесо обратно на четверть.

— Подставку! — крикнул он. — И мягкий хомут.

Люди работали по словам мёртвого мастера. Один держал лампу, другой заводил под трубу полосу плотной ткани, третий подтягивал скобу. Нера подала клин. Через три минуты течь стала каплей.

Никто не поблагодарил Ивена. Водяная служба давно привыкла, что его голос входит в работу вместе со скрипом ключей. Но когда окно на миг потемнело из-за скачка тока, все замерли. Молодой мастер так и остался на колене с поднятой рукой.

Лицо вернулось.

— Продолжайте, — сказал Ивен.

Нера увидела зависимость колонии не в больших словах, а в этой неподвижной руке. Живой парень умел затянуть хомут, но ждал подтверждения человека, умершего семь лет назад. Если Дом закроет архив, вода остановится не потому, что живые ничего не умеют. Они разучились считать своё решение достаточным.

Тар вытер лицо рукавом.

— Исторический спор закончен? Труба проголосовала.

— Наоборот, — сказала Нера. — Ивен знает старую систему, но не видел переделку. Лада видела. Последние девять часов могут быть единственной полной инструкцией.

— Тогда читай браслет.

— Чтение позовёт Дом.

— Дом и так зовёт тебя через двадцать минут.

Он говорил тихо, чтобы мастера не услышали. Нера почувствовала, как две задачи, которые она хотела держать отдельно, сходятся на одной ржавой трубе. Доказать жизнь Лады было личным долгом. Найти северную воду — общественным. Но Лада потратила свои последние часы именно на водосборник. Разделение придумала Нера, не мать.

На стол принесли ещё одну находку: деревянную рейку с насечками. Её использовали как временную меру на стройке. Возле каждого деления стояла буква. К, С, В, затем снова С. Последнее деление было обломано.

— Что это? — спросил Тар.

Нера повернула рейку. На обратной стороне сохранились серые полосы от копировальной бумаги.

— Подложка под чертёж. Когда проводили линию, на ней отмечали расстояния между поворотами.

— К — «Кедр». В — восточный резервуар?

— Тогда С встречается дважды.

Ивен попросил показать рейку ближе.

— Старая геодезическая запись. Буквы обозначают не места, а направление склона. К — каменная точка, С — север, В — восток. Второе С означает возвращение к северному уклону.

— Можно восстановить путь? — спросила Нера.

— Без исходной точки — нет.

— Исходная точка в комнате снимков. Технический лаз выходит к грузовой платформе.

Архивный Ивен замолчал.

— Откуда ты знаешь?

Нера поняла, что подошла к границе отчёта. Лаз она указала. Грузовую платформу — тоже. Но направление северного пути услышала из браслета.

— По царапинам от носилок, — сказала она. — И по старой схеме основания.

Это была часть правды. Цифровая Нера заметила бы шов.

Ивен попросил наложить рейку на карту. Нера совместила первое деление с «Кедром», повернула план по указанным направлениям и перенесла расстояния циркулем. Линия ушла под красную черту закрытой зоны, дважды изменила направление, пересекла старое русло и закончилась в пустом сером квадрате.

— Там ничего нет, — сказал Тар.

— На итоговой схеме.

— На местности?

Ивен смотрел на квадрат так, словно пытался вспомнить жизнь, которой у него не было.

— До переделки там стояла распределительная станция номер четыре. Её собирались разобрать.

— Разобрали?

— В признанной описи — да.

Нера нашла перечень вывезенного оборудования. Со станции номер четыре сняли насос, батареи, окна и наружную дверь. Но в списке не было затворных колёс. Два колеса заказали для обходной линии. Если старую станцию действительно разобрали, их должны были поставить где-то ещё.

— Они оставили оболочку станции и провели через неё новый обход, — сказала Нера.

— Поэтому в итоговой схеме квадрат пустой: объект списан, а линия проходит как подземная.

Тар измерил расстояние от «Кедра».

— Четырнадцать километров по склону. Если тоннель цел, дойдём за день.

— Если не цел?

— За два. Но сначала вернём второй насос.

— Втулки останутся в генераторе.

Он резко отложил циркуль.

— Тогда чем искать течь?

Нера посмотрела на хомут, который они только что поставили по совету Ивена. Рядом лежала разобранный рама старого насоса. В её валу стояли тёмные металлические кольца, слишком мягкие для постоянной работы, но пригодные на короткий запуск.

— Временными втулками. Ты сам сказал вчера, что выиграешь неделю.

— Для подачи, не для поиска. Придётся гонять насос рывками.

— Ивен рассчитает длину каждого запуска. Живые пройдут линию и отметят шум. Не идеально, но хватит найти крупную потерю.

Тар посмотрел на архивного мастера.

— Рассчитаешь?

— Если покажете сплав временных колец и не будете закрывать звук, когда я вам не нравлюсь.

— Второе условие тяжелее.

Молодые мастера засмеялись с явным облегчением. Работа снова стала похожа на работу: можно было измерять, резать прокладки, ругаться на материал. Нера переписала координаты серого квадрата в полевую книжку и сразу зачеркнула. Цифровая Нера получит книжку при разборе. Вместо цифр она перенесла путь на свою треть холодного отпечатка — между тёмными овалами, где запись выглядела как случайные царапины.

В дверях появился посыльный Дома памяти. Ему было лет шестнадцать, и форменная куртка висела на плечах слишком свободно. Он держал серый конверт.

— Нера Вайс?

— Здесь.

— Утренний разбор перенесён в водяную службу. По просьбе ночного сверщика.

Тар тихо выругался.

Посыльный прикрепил к стене тонкий экран и соединил его с городским шнуром. Рядом с Ивеном открылось второе окно. В нём появилась цифровая Нера.

Она выглядела на три года моложе телесной и носила ту же короткую стрижку, от которой живая Нера давно отказалась. На левой щеке не было свежего шрама от каменной крошки. Взгляд сразу прошёл по столу: мокрая карта, старые наряды, деревянная рейка, металлические кольца.

— Приложение, — сказала цифровая Нера.

Тар встал между экраном и ящиком с бумагами.

— У нас авария на северной линии.

— Я вижу. Поэтому разбор здесь.

— Тогда помогай считать насос.

— Ивен считает. Я проверяю отчёт «Кедра».

Живая Нера подошла ближе к экрану. Их лица оказались почти одного размера.

— Носитель найден, — сказала она.

В мастерской замолчали. Тар закрыл глаза, будто Нера нарушила обещание, которого не давала.

Цифровая версия не изменилась в лице.

— Личный?

— Да.

— Владелец?

— Пока не внесён в отчёт.

— Значит, ты не доверяешь каналу.

— Значит, я не закончила полевую проверку.

— Носитель повреждён?

— Он проснулся.

Это слово действовало сильнее имени. Цифровая Нера чуть подалась вперёд.

— Не подключай его к городскому току.

— Не подключала.

— Отнеси Эве.

— Уже.

На лице копии появилось раздражение, настолько знакомое, что Тар отвернулся. Так Нера смотрела на человека, который выполнил её совет раньше, чем она успела его дать.

— Тогда где носитель?

— В безопасном месте.

— Для кого безопасном?

— Для записи.

Цифровая Нера перевела взгляд на деревянную рейку.

— Ты нашла северную станцию.

Это не было вопросом. Живая Нера поняла, что копия прошла тот же путь по предметам за несколько секунд.

— Нашла вероятное место.

— Дом должен проверить его до выхода группы.

— Если Дом получит координаты, Сал закроет склон.

— Он отвечает за безопасность.

— Он уже закрыл его один раз, а вода уходит.

Окно архивного Ивена мигнуло. Он слушал обеих Нер и, вероятно, впервые видел спор человека с собственной копией не на семейной встрече, а посреди аварии.

Цифровая Нера сказала:

— Передай мне хотя бы метку владельца.

— Зачем?

— Чтобы исключить автоматическую тревогу. Если носитель числится уничтоженным, его пробуждение поднимет старый запрос сверки.

— Именно поэтому я не называю имя.

— Ты защищаешь запись от меня.

— От Дома.

— Я работаю в Доме.

— Я заметила.

Тар шагнул между ними, хотя экран нельзя было заслонить от голоса.

— Хватит. Через двадцать четыре дня центральная башня будет ниже аварийной отметки. Через неделю мы не сможем гонять второй насос. У нас есть старая станция на северном склоне и возможная схема обхода. Я веду группу сегодня.

— Без допуска нельзя, — сказала цифровая Нера.

— Тогда дай допуск.

— Сначала отчёт.

— Сначала вода.

Нера ожидала, что копия позовёт Сала. Та посмотрела на цифры запаса над воротами. Потом на Ивена.

— Временные кольца выдержат четыре запуска по двенадцать минут, — сказал архивный мастер, отвечая на невысказанный вопрос. — Если охлаждать вал после каждого.

— Этого хватит найти крупную течь, — сказал Тар.

Цифровая Нера вернулась взглядом к телесной.

— До конца четвёртого запуска. Потом я передаю пропуск Салу.

— Почему не сейчас?

— Потому что если ты права, северная станция связана с носителем. А если ошибаешься, вода докажет это быстрее архива.

Она поставила на полевом отчёте жёлтый знак отсрочки. Не закрыла его и не утвердила.

— Координаты оставь вне сети. Возьми бумажную карту. И Нера...

— Что?

— Если владелец тот, о ком я думаю, не слушай слой одна.

Окно погасло до ответа.

Тар раздал работу. Двое мастеров стали вытачивать временные кольца, ещё двое готовили слуховые стержни для обхода трубы. Ивен диктовал порядок запуска. За воротами очередь у крана уже разошлась; на мокром бетоне остались следы вёдер.

Нера свернула бумажную карту и спрятала холодный отпечаток в её деревянную ось. До северной станции предстояло четырнадцать километров по пути, которого официально не существовало. Там могли быть затворы, вода или ещё одна пустая оболочка, очищенная от неудобной истории.

Тар подал ей переносной шумомер.

— Сначала проходим линию. После четвёртого запуска выходим к станции.

— Сал узнает.

— Пусть догоняет.

Над Сухим Берегом пыль сделалась плотнее. Светлое пятно солнца исчезло совсем, и колония осталась без неба. Но на старой рейке сохранилось направление, которого не было в признанной схеме: два поворота на север и серый квадрат за красной чертой.

Нера положила рейку в полевой ящик.

К вечеру они должны были найти течь. До ночи — вход на северную станцию. Времени на спор с мёртвыми больше не осталось.

Глава 4. Мой голос в Доме памяти

Первый запуск второго насоса начался с запаха горячего железа.

Тар дал знак, молодой мастер замкнул рубильник, и вал дёрнулся так, будто внутри машины проснулся зверь и сразу попытался вырваться. Временные кольца заскрежетали. По трубе прошла дрожь. Нера прижала к металлу слуховой стержень и услышала воду: сперва глухой удар, потом низкий непрерывный гул.

— Двенадцать минут, — сказал Ивен со стены. — Не больше. На седьмой проверьте нагрев.

Мастера разошлись вдоль северной линии. Труба была проложена под улицей, но через каждые сорок шагов выходила в смотровые ямы. Нера бежала от одной к другой, опускала стержень на зачищенный металл и отмечала звук мелом на бумажной карте. Ровный гул. Ровный. Свист воздуха. Снова гул.

На третьей яме голос цифровой Неры произнёс у неё за спиной:

— Ты оставила открытым служебный разбор.

Посыльный перенёс экран к воротам, а Тар протянул городской шнур до улицы. Копия теперь видела мастерскую и часть северной дороги. Ей не требовалось тело, чтобы следовать за Нерой: звук шёл через переносную гарнитуру, изображение — с камеры на груди мастера.

Живая Нера не обернулась.

— Я ничего не оставляла. Ты не закрыла окно.

— Потому что срок ещё не вышел.

— Тогда считай минуты молча.

— Одиннадцать минут сорок секунд до остановки. И меньше часа до передачи дела Салу.

Нера перешла к следующей яме. Здесь гул раздваивался. Один звук шёл по трубе, другой будто уходил в землю.

— Тар! — крикнула она. — Воздух после четвёртого колодца.

Он подбежал, приложил второй стержень и покачал головой.

— Это боковая ветвь.

— На схеме её нет.

— Уже не удивляет.

Цифровая Нера слышала их.

— На итоговой схеме есть сброс в старое русло, — сказала она. — На семьдесят метров севернее.

Живая развернула карту. Копия была права. Тонкая линия сброса начиналась дальше и шла под другим углом.

— Это не он.

— Поэтому я и прошу носитель, — ответила копия. — Ты уже связала каждую пустую линию с последними часами Лады. Я могу проверить привязку, не открывая слой.

— Через Дом?

— В изолированной ячейке.

— Изолированная ячейка всё равно принадлежит Салу.

— А будка под резервуаром принадлежит тебе?

Нера замерла со стержнем в руке.

Тар посмотрел на неё, потом на экран у ворот.

— Она знает, где браслет?

— Нет, — сказала живая Нера.

— Теперь знаю, — сказала цифровая. — Ты всегда выбираешь место, которое уже проверила на прочность. Восточный резервуар ты обследовала прошлой весной. Там три забро-

шенные будки. В двух провалился пол, третья стоит над нижней трубой. Если бы ты хотела спрятать вещь на несколько часов и не унести домой, выбрала бы её.

Тар выругался и побежал к рубильнику. Двенадцать минут почти истекли. Насос выключили, дрожь в трубе затихла, но в ушах Неры ещё оставался низкий гул.

— Ты не можешь послать людей за ним, — сказала она.

— Могу. Не послала.

— Пока.

— Потому что хочу получить его от тебя, с описью состояния и свидетелем. Если носитель заберут из тайника, ты потом скажешь, что его подменили. И будешь права: цепь хранения уже нарушена.

Копия произнесла это без торжества. Так же рассуждала сама Нера на раскопках: каждый найденный предмет следовало передавать из рук в руки под запись, иначе его происхождение превращалось в рассказ, которому можно верить или не верить.

Тар распорядился охлаждать вал. На временные кольца положили мокрую ткань. Она зашипела. Первый запуск дал им неподписанную боковую ветвь и ничего больше.

Нера подошла к экрану.

— Если ты не послала людей, зачем назвала тайник вслух?

— Чтобы ты перестала делать вид, будто защищаешь находку одна. О ней знают Эва, Тар, я и половина мастерской. Через час узнает Сал. Тайны уже нет. Есть только выбор, кому ты позволишь первым коснуться вещи.

На экране было её собственное лицо до трёх лет пыли, ветра и недосыпа. Лицо помнило всё до аварии на станции «Бук»: узкий лаз, сорвавшуюся плиту, вкус крови, руку Тара под затылком. Оно помнило и следующий день, когда врачи предложили снять копию, потому что отёк мог убить Неру до утра.

Телесная Нера помнила больше.

Она помнила, как проснулась после операции и обнаружила, что копия уже говорит с врачами её голосом. Помнила первое заседание, где обе одновременно потребовали полевой отчёт и обеим отказали. Помнила день, когда врачи сказали, что тело выживет, а уничтожение отменено. В комнате стало тихо, потому что старый закон не объяснял, что делать с двумя продолжениями одного человека.

Копия помнила это иначе. Для неё пробуждение не было провалом между плитой и больничной койкой. Оно было первым утром жизни: белая комната Дома, голоса техников, закрытая дверь и новость, что тело Неры, вопреки прогнозу, дышит в лечебнице.

Три года назад они спорили о том, кто из них должен исчезнуть. Теперь спорили о браслете женщины, которой не дали такой возможности.

— Ты думаешь о «Буке», — сказала цифровая Нера.

— Не читай меня по лицу.

— Это и моё лицо.

— Было твоим три года назад.

Копия чуть улыбнулась, но улыбка сразу пропала.

— Вот поэтому мне нужен браслет. Три года достаточно, чтобы один человек стал двумя свидетелями. Девять часов достаточно, чтобы одна Лада стала двумя историями. Но Дом построен так, будто поздняя история обязана уничтожить раннюю или ранняя — позднюю.

— Наконец мы согласны.

— Нет. Ты хочешь открыть слой и доказать, что Дом лгал. Я хочу сначала узнать, переживёт ли Дом доказательство.

— Стены не умрут от правды.

— В стенах хранятся не только стены.

Второй запуск начался через двадцать минут. Вал нагрелся быстрее. Ивен велел сократить работу до десяти минут, но Тар отказался: до северной развилки оставалось слишком много ям. Мастера обливали корпус тонкими струями драгоценной воды и ловили сток в тазы.

Нера пошла вдоль трубы с двумя слуховыми стержнями. Первый держала у металла, второй втыкала в грунт. Если вода уходила под датчиками, земля должна была отозваться.

У пятой ямы звук стал влажным и рыхлым. Нера опустилась на колени. Пыль вокруг бетонного кольца выглядела сухой, но на глубине двух пальцев сбилась в тёмный комок.

— Здесь.

Тар снял верхнюю плиту. Под ней обнаружилась не течь, а старая заслонка. Её колесо было срезано, шток уходил в боковую трубу.

— Это одно из двух колёс из заказа, — сказала Нера.

— Колесо было, — возразил Тар. — Теперь его нет.

На срезе остались свежие рыжие потёки, но сам металл зарос плотной коркой. Колесо сняли много лет назад. Рядом в бетоне сохранились две царапины от троса.

Ивен попросил показать шток ближе.

— Заслонка открыта на треть, — сказал он. — Если боковая ветвь ведёт к станции номер четыре, часть воды всё это время шла туда.

— В пустую станцию? — спросил молодой мастер.

— Или в резерв, которого нет на итоговой схеме, — ответила Нера.

Цифровая Нера заговорила сразу:

— Если ветвь действовала двенадцать лет, потеря должна была быть в расчётах.

— Она и была, — сказал Тар. — Мы называли её грунтовой.

— Почему запас упал только сейчас?

Нера провела пальцами по штоку. Металл дрожал неравномерно: вода то давила на заслонку, то отступала.

— Потому что дальше открылся второй затвор. Или разрушился.

— Без проверки это догадка, — сказала копия.

— Для проверки мы идём на север.

— Для выхода нужен допуск.

— Ты обещала время до четвёртого запуска.

— Я обещала не передавать дело Салу. Допуск я не обещала.

Тар вскинул голову.

— Не играй словами.

— Я не играю. Полевой допуск Неры действителен, пока её отчёт не содержит скрытой биологической находки. Она сама признала носитель. По правилам доступ должен быть остановлен уже сейчас.

— Правила писали для тел, костей и заражённой ткани, — сказала живая Нера. — Браслет никого не заразит.

— Он уже изменил твои решения. Ты спрятала приложение, солгала о времени на станции и вынесла вещь без описи.

— А ты вычислила тайник и оставила его мне. Значит, тоже нарушила порядок.

— Да.

Простое признание ударило сильнее оправдания.

Копия продолжила:

— Я дала тебе время, потому что сама поверила связи между носителем и водой. Это не делает нас правыми. Это значит, что обе Неры готовы нарушить правило, когда считают своё доказательство важнее общего порядка.

Тар крикнул выключать насос. Второй запуск кончился. Из-под заслонки ещё несколько секунд шёл шорох, похожий на дыхание спящего человека.

На отдыхе Нера села возле открытой ямы. Руки дрожали от тяжёлого стержня. Цифровая версия оставалась на экране, где не было жары, пыли и запаха мокрого железа.

— Ты сказала, Дом может не пережить доказательство, — напомнила Нера. — Объясни без слов Сала.

Копия помолчала.

— Два года назад умерла Майра Ковен. Её копия хранила старую версию завещания: мастерскую получал сын. За неделю до смерти Майра переписала её на двух учениц, но запись не успели внести в Дом. Сын назвал поздний лист подделкой. Ученицы закрыли мастерскую. Три месяца никто не ремонтировал детские дыхатели, потому что спорящие стороны не позволяли взять инструменты.

— Я слышала. Совет признал позднее завещание.

— После того как умер ребёнок на нижнем ярусе.

Нера сжала пальцы на колене.

— Это вина совета, не двух версий памяти.

— Совет ждал единственной настоящей Майры. Архивная Майра говорила одно, бумага — другое. Люди требовали решить, кто из них настоящий голос умершей. Дом не умеет хранить разногласие без превращения его в приказ.

— Тогда нужно менять Дом.

— Пока мы его меняем, кто будет считать воду? Ивен? Архивная Лада? Сорок семь копий специалистов, которым жители доверяют больше, чем живым ученикам? Если объявить, что признанная биография может быть вырезана, каждый совет умершего станет подозрительным. Люди перестанут выполнять его раньше, чем живые успеют научиться решать сами.

Тар стоял рядом и слышал. Он посмотрел на окно Ивена. Архивный мастер не вмешивался.

— А если не объявить? — спросил Тар. — Мы так и будем спрашивать Ивена о переделках, которых он не видел.

— Поэтому носитель должен попасть в изолированную проверку, — сказала цифровая Нера. — Не к Салу одному. Ко мне, Эве и одному представителю воды. Мы определим, что в слое, до публичного чтения.

— И если там приказ, который разрушит удобную схему? — спросила живая.

— Отделим свидетельство от действия.

— Кто отделит?

— Мы.

— Три человека в закрытой комнате решат, какую часть последних часов моей матери получит колония?

— А сейчас решаешь ты одна.

Это было правдой, и Нера ненавидела копию за точность.

Третий запуск провели с наполовину разобранной заслонкой. Тар закрепил на штоке длинный ключ и попытался закрыть боковую ветвь. Шток не двинулся. Когда насос набрал ход, из-под земли севернее ямы донёсся слабый стук.

Раз. Пауза. Раз. Пауза. Два быстрых удара.

Нера приложила стержень к грунту.

— Трос.

— Какой трос? — спросил мастер.

— Тот, что соединял два затвора. Вода качает дальнее колесо, движение передаётся сюда.

Тар лёг на живот и опустил руку под трубу. Пальцы нащупали узкую щель в бетонном лотке. Из неё он вытянул конец чёрной проволоки, покрытой смазкой и песком.

— Трос цел, — сказал он. — По крайней мере здесь.

Ивен велел не тянуть. Если дальняя заслонка сорвалась, резкое движение могло открыть ветвь полностью.

Нера считала удары. Они повторялись через одинаковые промежутки, но каждый четвёртый пропадал. На мерной рейке было четыре направления. На холодном отпечатке Лады — четыре тёмных овала перед последней длинной полосой.

Она вынула отпечаток из оси карты и положила рядом с рейкой. Сходство могло быть случайным, но расстояния между отметками совпадали слишком хорошо.

Цифровая Нера увидела это через камеру мастера.

— Покажи ближе.

Нера накрыла отпечаток ладонью.

— Нет.

— Я знаю, чей это часовщик.

— Догадываешься.

— Лада ставила метки короткими группами. Три быстрых, одна длинная. Так она учила нас считать шаги в пыльной буре.

Слово «нас» повисло между ними.

Живая Нера помнила материнскую ладонь на затылке и ткань защитного капюшона, пахнущую водой после редкого дождя. Копия помнила то же самое. Но последние три года это воспоминание жило в разных местах. Нера носила его на северные раскопки, в тесные лазы и пустой дом. Копия возвращалась к нему в Доме, когда архивная Лада просила дочь не задерживаться после закрытия. Одна каждый раз знала, что мать мертва. Другая могла открыть окно и услышать её голос.

— Ты разговариваешь с ней? — спросила Нера.

Копия поняла без уточнения.

— Раз в неделю.

— О чём?

— О работе. О тебе.

— Она спрашивает обо мне?

— Каждый раз.

Нера хотела спросить, что отвечает её цифровая версия. Вместо этого прижала ладонь к отпечатку сильнее.

— Она сказала не подключать браслет к Дому.

Копия впервые отвела взгляд.

— Архивная Лада?

— Да.

— Точными словами.

— «Не подключай».

— Когда?

— Ночью. После твоего вызова.

На экране ничего не изменилось, но Нера увидела, как копия пересобирает последние часы. Предупреждение исходило не от найденного слоя, а от признанной версии Лады. Значит, страх существовал по обе стороны уничтожения.

— Тем более браслет нельзя нести в общий зал, — сказала цифровая Нера. — Эва может подготовить отдельное питание. Я войду без связи с Домом.

— Ты и есть связь с Домом.

— Я человек, который там работает.

— Ты запись, которую Дом может закрыть.

Слова вырвались раньше, чем Нера успела остановиться.

Копия стала неподвижной.

Три года назад эту фразу говорили чиновники: запись, имущество Дома, спорный носитель. Живая Нера тогда защищала право копии существовать. Она требовала для неё имени, комнаты, голоса в совете. Теперь использовала старое унижение, потому что хотела победить в споре.

— Прости, — сказала она.

— Не сейчас.

— Я не должна была.

— Но подумала. И это важно.

Тар велел остановить третий запуск. На этот раз вал заклинило. Мастера втроём повернули его вручную и сняли потемневшее кольцо. До четвёртого запуска оставалось выточить замену. Время отсрочки почти кончилось.

Цифровая Нера вернулась к экрану через несколько минут. За её спиной теперь был виден не серый фон, а полки служебной комнаты. Она перешла с общего окна на отдельную линию. Возможно, закрыла дверь от Сала.

— После «Бука» ты обещала мне одну вещь, — сказала она.

— Я много чего обещала.

— Что ни одна из нас не будет доказывать своё право на жизнь слабостью другой.

Нера помнила. Они произнесли обещание в комнате лечебницы, разделённой стеклом. Копия боялась отключения. Живая Нера боялась, что совет признает тело испорченным продолжением и передаст копии её дом, работу и имя. Обе искали изъясн в другой, пока не поняли, что старый закон заставляет их соревноваться за единственное место.

— Я нарушила обещание, — сказала Нера.

— И я нарушу его через несколько минут. Заблокирую твой допуск, используя то, что ты скрыла находку.

— Тогда не делай этого.

— Если не сделаю, Сал увидит, что я закрыла выход без описи. Он снимет меня с разбора и отправит за браслетом хранителей. Я потеряю возможность удержать находку от общего архива.

— Ты называешь блокировку помощью?

— Нет. Называю ценой моего решения. Ты не передаёшь браслет. Я не позволяю тебе уйти к станции под официальным именем Дома.

— Мы уйдём без него.

— Знаю.

— И всё равно блокируешь?

— Да. Если вы погибнете на закрытом склоне, в отчёте будет правда: Дом запретил выход, а вы решили идти ради воды. Не будет удобной записи, будто я дала разрешение, которого не давала.

Нера почти рассмеялась. Копия защищала право двух версий события не совпадать, хотя всё ещё считала поздние слои угрозой.

— Ты уже меняешь Дом, — сказала она.

— Не льсти мне. Я защищаю себя.

— Иногда это одно и то же.

Четвёртый запуск начали на новом кольце. Тар приказал всем отойти от вала. Насос загудел, боковая заслонка задрожала, и трос в лотке натянулся. Нера держала его через толстую ткань. Каждый удар дальнего механизма отдавался в ладони.

На шестой минуте удары прекратились.

На седьмой из боковой трубы ушёл воздух. Гул стал глубоким и ровным.

— Дальний затвор открылся, — сказал Ивен.

Над воротами цифра запаса мигнула. Двадцать четыре дня превратились в двадцать три.

— Выключай! — крикнул Тар.

Мастер ударил по рубильнику. Вал сделал ещё три оборота и замер. В наступившей тишине из-под земли донёлся долгий рокот, уходящий на север.

Тар поднялся.

— Вода идёт к станции номер четыре. Сейчас больше, чем час назад.

— Значит, вы обязаны дождаться группы безопасности, — сказала цифровая Нера.

— Когда она будет?

— Сал даст людей после проверки находки.

— Через день? Два?

— Не знаю.

— За два дня уйдёт столько, сколько нижний ярус расходует за неделю.

Тар снял со стены бумажную карту и свернул её. Молодые мастера уже собирали верёвки, воду и ручные лампы. Никто не ждал приказа.

На экране перед цифровой Нерой открылось служебное окно. Живая видела перевёрнутые строки: номер полевого удостоверения, статус отчёта, причина ограничения.

Копия ещё могла закрыть окно.

— Последний раз, — сказала она. — Передай браслет Эве при двух свидетелях. Я оставляю допуск до северной станции и войду в проверку вместе с вами.

Нера представила, как возвращается к восточному резервуару, достаёт браслет и кладёт на белую ткань. Эва включит отдельное питание. Цифровая Нера войдёт в ячейку. Возможно, они действительно сохранят слой. Возможно, Сал отключит комнату одним движением. Возможно, архивная Лада снова попросит уничтожить поздний голос.

Но главное было проще: закрытая проверка снова сделает несколько людей хозяевами чужого последнего часа.

— Нет, — сказала Нера. — Сначала мы найдём, куда уходит вода. Потом откроем слой так, чтобы свидетели знали не только вывод, но и способ чтения.

— Тогда я блокирую допуск.

— Делай.

Цифровая Нера коснулась строки.

На браслете живой Неры погас зелёный полевой знак. Вместо него появился красный круг. Дверь склада щёлкнула: замок перестал узнавать её удостоверение. На экране у ворот вспыхнула короткая запись: «Доступ остановлен до передачи неопisanного носителя».

Копия не стала писать «угроза архиву» или «неподчинение». Она указала точную причину.

— Сал получил уведомление, — сказала она. — У вас не больше сорока минут до его людей.

— Зачем предупреждаешь?

— Потому что не хочу, чтобы браслет нашли без тебя.

— А чего ты хочешь?

Цифровая Нера посмотрела прямо на неё.

— Чтобы ты вернулась. С находкой или без неё. Я три года доказываю, что не являюсь запасной тобой. Не заставляй меня стать твоей посмертной заменой.

Окно погасло.

Несколько секунд никто не говорил. Потом Тар сунул Нере чужой запасной плащ и бумажный жетон водяной службы.

— Официально ты никуда не идёшь, — сказал он. — Официально я проверяю аварийную ветвь и взял трёх мастеров.

— Я больше не мастер Дома.

— На севере это никого не волнует.

Нера посмотрела на красный круг на браслете. Три года она добивалась, чтобы копию перестали считать её вещью. Теперь копия лишила её права на работу и одновременно оставила сорок минут для выбора. Ни одна не была продолжением, которое можно подчинить другой.

Она сняла служебный браслет и положила на стол. С собой взяла только холодный отпечаток Лады, бумажную карту и шумомер.

Перед выходом Нера подошла к окну Ивена.

— Ты можешь сообщить Дому, куда мы пошли.

— Могу, — сказал умерший мастер.

— Сообщишь?

— Я дал расчёт насоса. Решение идти приняли живые. Пусть хотя бы раз так и останется в записи.

Тар открыл северные ворота. За ними не было дороги, только старая полоса из каменных меток, наполовину занесённых пылью. Где-то в четырнадцать километрах вода уходила в станцию, которой официально не существовало.

Нера шагнула за красную черту без допуска.

Её голос остался в Доме памяти и уже рассказал другую версию этого выхода.

Глава 5. Материал позже смерти

За северными воротами город кончился сразу.

Последний дом стоял спиной к пустоши, будто не хотел видеть, что лежит дальше. За его стеной тянулись каменные метки старой дороги. Пыль сгладила колеи, засыпала водоотводы и оставила только белые вершины столбиков. Тар шёл первым. За ним несли верёвку и инструменты два мастера — Ким и Ода. Нера замыкала группу, хотя знала путь лучше остальных.

Бумажный жетон водяной службы царапал грудь под плащом. На нём не было имени, только номер аварийной бригады. Если их остановят люди Сала, жетон не обманет никого. Он нужен был не для лжи, а для дверей старых водяных постов, где замки ещё узнавали металлическую насечку.

Через десять минут Нера услышала быстрые шаги.

Все обернулись. Из пыльной полосы показалась Эва. За спиной у неё бился о куртку плоский ящик, а в руке она держала свёрток защитной ткани.

— Вы ужасно скрытные, — сказала она, догнав группу. — Вся водяная служба знает, куда вы ушли.

Тар посмотрел на ящик.

— Там браслет?

— Нет. Он под трубой, где Нера его оставила. Я принесла то, что сняла до тайника.

— Ты не должна была выносить измерения из мастерской, — сказала Нера.

— А ты не должна была уходить без допуска. Сегодня день слабых доводов.

Эва согнулась, уперев руки в колени. Она бежала от восточного резервуара и всё ещё не могла ровно дышать.

— Дом закрыл мою рабочую линию через минуту после твоего допуска. Сал пока не пришёл лично. Он отправил двух хранителей в водомерную будку.

— Они нашли браслет?

— Найдут, если не заблудятся в трёх трубах. Поэтому у нас мало времени.

Нера шагнула к городу.

— Я вернусь.

Эва схватила её за рукав.

— И приведёшь их прямо к носителю. Слушай сначала.

Тар не вмешивался. Вода уходила на север, но браслет связывал станцию с последними часами Лады. Нера увидела, как он считает обе потери и не знает, какая станет необратимой раньше.

— Говори на ходу, — решил он.

Они продолжили путь. Эва открыла ящик, не снимая его с плеча. Внутри лежали три прозрачные пластинки, кусок тёмной ленты и маленький ручной считыватель с заводной ручкой.

— Я успела закончить холодный разбор, — сказала она. — Без пробуждения и без городского питания. Вот наружный слепок часовщика. Вот химическая проба ленты. Вот рисунок износа контактов.

Ким оглянулся.

— Можно простыми словами?

— Можно. Браслет носили на живой руке после той минуты, когда Дом считает Ладу уничтоженной.

— Это мы уже знаем, — сказала Нера.

— Мы знали по времени. Теперь знаем по материалу.

Эва достала первую пластинку. На ней виднелся ряд тёмных точек, похожих на следы мелких зубов.

— Внутри браслета есть телесный часовщик. Он не часы в обычном смысле. Лента реагирует на тепло кожи, соль пота и движение. Каждый оборот оставляет неровную дорожку. Цифровая копия не может сделать такую запись: у неё нет кожи, пульса и руки.

— Можно нагреть ленту, — сказал Тар.

— Можно. Получится ровный след. Можно капнуть солёной водой. Получится пятно. Можно трясти браслет. Получится повторяющийся рисунок. Здесь всё вместе и всё меняется: Лада шла, останавливалась, мёрзла, снова двигалась. Поддельватель должен был двенадцать лет назад знать, какие три независимых проверки мы применим сегодня.

Нера взяла пластинку. После разговора с копией ей хотелось доказательства, которое нельзя свести к семейной надежде. Тёмные точки были некрасивыми, случайными и потому убедительными.

— Где начинается поздний участок?

Эва показала ногтем едва заметную черту.

— Здесь признанный снимок закончен. Через двадцать две минуты Дом ставит уничтожение. А дорожка идёт дальше ещё девять часов семнадцать минут. В середине есть холодный провал: примерно два часа на открытом воздухе. Потом сильная нагрузка на руку и четыре остановки.

Четыре остановки совпадали с овалами на отпечатке и ударами дальнего затвора.

— Она шла по этой дороге, — сказала Нера.

— Вероятно, — ответила Эва. — Материал доказывает движение и холод. Дорогу докажет станция.

Нера была благодарна ей за это «вероятно». Эва не позволяла желанию стать фактом.

Они дошли до первого водяного поста. Маленькая бетонная будка наполовину ушла в склон. Тар приложил жетон к замку, и дверь открылась с тяжёлым щелчком. Внутри пахло сухой резиной. На стене висела ручная карта линии, старая и выцветшая.

На ней боковой ветви не было.

Тар открыл смотровую крышку в полу. Шум воды здесь стал громче. Труба дрожала, а тонкий трос рядом с ней был натянут так, что звенел от прикосновения.

— Дальний затвор остаётся открыт, — сказал он. — Идём дальше.

Эва задержалась у стены, заводя рукоять считывателя.

— Мне нужно показать ещё одно. В городе уже не смогу.

Устройство зажгло тусклую полоску. Эва вставила вторую пластинку. На полоске появились две неровные дуги.

— Это износ контактов. Каждый раз, когда браслет пишет телесный слой, прижимная лапка касается ленты чуть иначе. До снимка лапка была ровной. После — с выбоиной на левом краю.

— Она сломалась во время копирования? — спросила Ода.

— После него. На корпусе есть удар. Если бы поздний слой добавили потом на другом устройстве, край не совпал бы. Если бы переписали цифровую запись, телесного износа вообще не было бы.

— Значит, голос настоящий, — сказал Ким.

— Значит, голос записан браслетом Лады на её живой руке, — поправила Эва. — Настоящими бывают и ошибка, и страх, и ложь. Материал подтверждает носителя, не каждое слово.

Нера вернула пластинку в ящик.

— Цифровая Нера должна это увидеть.

— Увидит, когда мы сможем показать способ проверки вместе с выводом. Ты сама этого хотела.

— А браслет сейчас заберут.

Эва закрыла ящик.

— Я оставила под трубой пустой защитный чехол и старый счётчик. Хранители потратят время, прежде чем поймут.

— А настоящий?

Эва посмотрела на свёрток ткани у себя в руке.

Нера почувствовала одновременно облегчение и злость.

— Ты сказала, что он остался в будке.

— Я сказала, что под трубой остался браслет. Не сказала какой.

— Это детская уловка.

— Она дала нам пятнадцать минут.

Эва развернула ткань. Внутри лежал браслет Лады, обёрнутый сухой изолирующей сеткой. На его тёмном корпусе не было света.

Тар закрыл дверь водяного поста.

— Теперь мы не аварийная бригада, — сказал он. — Мы люди без допуска, которые вынесли носитель из-под охраны Дома.

— Дом ещё не поставил охрану, — ответила Эва.

— Сал оценит разницу.

Нера протянула руку, но не коснулась браслета.

— Почему ты принесла его мне?

— Не тебе. К месту, где он был записан. Если станция сохранила старый ручной генератор, мы сможем открыть внешний слой без городского тока.

— Ты говорила, полное чтение опасно.

— Оно и сейчас опасно. Я собираюсь только проверить замок памяти.

— Какой замок?

Эва вздохнула.

— Вот теперь начинается неприятная часть.

Они вышли из поста и двинулись дальше. Дорога поднималась между двумя каменными гребнями. Пыль здесь лежала тоньше, местами выступали старые плиты. На одной сохранилась выцарапанная буква «С» — направление склона с мерной рейки.

— Личные слои не открываются одним питанием, — сказала Эва. — Иначе любой техник мог бы прослушать чужую жизнь. Браслет запирает глубокую запись знакомым чувственным откликом.

— Паролем?

— Не словом. Слова легко украсть. Нужна связка ощущений, которая возникает у близкого человека: звук, запах, прикосновение. Браслет сравнивает реакцию тела с той, что записана рядом со слоем.

Ким нахмурился.

— Машина знает, что человек чувствует?

— Нет. Она видит простые вещи: как меняется дыхание, температура пальцев, проводимость кожи, мелкие движения мышц. Как старый замок узнаёт ключ не по имени владельца, а по выступам.

Нера посмотрела на браслет в руках Эвы.

— Почему ключ родственника?

— Не обязательно родственника. Нужен человек, чья реакция была записана Ладой как узнаваемая. Скорее всего, ты. Возможно, цифровая Нера тоже подошла бы, но у неё нет тела для ответа.

— Значит, она не может прочесть слой сама.

— Не может. Дом способен подобрать грубую замену по старым медицинским данным, но это займёт время и может повредить дорожку.

Нера поняла ещё одну причину, по которой копия требовала добровольной передачи. Ей был нужен не только браслет. Ей была нужна живая Нера рядом.

— Что происходит с ключом при чтении?

Эва не ответила сразу.

— При короткой проверке ничего необратимого. Браслет вызывает отклик, сверяет его и закрывается. При полном открытии поздний слой забирает чувственный рисунок в рабочую ленту. Чем глубже запись, тем больше ему нужно.

— Забирает откуда?

— Из тебя.

Тар остановился.

— Объясни нормально.

— Мозг каждый раз заново собирает воспоминание. Это не коробка, из которой достают неизменную вещь. Браслет заставляет повторять узнавание снова и снова, пока записывает его как ключ. После сильного извлечения факты остаются, а чувство может не собраться обратно.

Нера услышала собственный голос будто издалека:

— Я буду знать, что Лада моя мать, но не узнаю её голос?

— Возможно. Мы ещё не знаем, насколько глубокий замок.

— Ты знала это ночью?

— Подозревала. Теперь вижу по ширине дорожки.

— И всё равно принесла браслет.

— Потому что Сал попытается открыть его твоими медицинскими слепками. Тогда ключ может разрушиться без тебя и без чтения.

Нера отвернулась к северу. Дорога дрожала в горячем воздухе, хотя солнце по-прежнему скрывала пыль. Где-то впереди вода билась о незнакомый затвор. Позади люди Сала, вероятно, уже нашли пустой чехол.

— Проверим замок, — сказала она. — Только внешний отклик.

— Здесь нельзя, — возразила Эва. — Слишком открыто.

— Следующий пост в трёх километрах, — сказал Тар. — Там есть ручной привод связи. Они ускорили шаг.

Второй пост оказался разрушен сильнее первого. Крыша просела, дверь держалась на одной петле, но внутри сохранился стол и коробка ручного питания. Тар проверил трубу: вода шла на север с прежней силой. Ода осталась снаружи следить за дорогой. Ким поднялся на склон, откуда был виден город.

Эва очистила стол, расстелила защитную ткань и положила браслет. К ручному приводу она подключила два тонких провода, между ними поставила ограничитель из своего ящика.

— Если он попросит больше тока, я разомкну цепь, — сказала она. — Нера, сядь. Левую руку на ткань. Правой не касайся корпуса.

— Почему?

— Потому что я так меньше боюсь.

Тар встал у рукояти.

— Сколько крутить?

— Медленно. Один оборот в две секунды.

Он начал вращать. Внутри коробки запел маленький генератор. На браслете появилась тонкая серая линия. Она прошла по корпусу и остановилась у застёжки.

Эва приложила к пальцам Неры три мягких контакта.

— Сейчас будет пробный запрос. Не старайся вспомнить Ладу. Просто слушай.

Из браслета донёлся шорох. Не голос — звук ткани, которую встряхнули и повесили сушиться. Потом одна капля упала на металл.

Нера перестала видеть пост.

На секунду вернулся двор их старого дома. После дождя Лада натянула между трубами верёвку и развесила защитные плащи. Мокрая ткань пахла пылью, железом и редкой водой. Нера была ребёнком и стояла под плащом, пока мать искала её, нарочно проходя мимо. Холодный край ткани касался лба. Лада смеялась совсем близко.

Запах возник раньше лица.

Нера вдохнула и потянулась к браслету.

Эва перехватила её запястье.

— Не касайся.

Серая линия на корпусе стала голубой. Под пальцами Неры контакты нагрелись.

Из браслета прозвучал один слог:

— Не...

Эва разомкнула цепь.

Тар остановил рукоять. Голубая линия погасла.

Нера ещё несколько секунд чувствовала мокрый край плаща на лбу. Потом пост вернулся: треснутая стена, пыльный стол, испуганное лицо Эвы.

— Почему выключила?

— Потому что замок тебя узнал.

— Там был голос.

— Внешняя кромка. Полная запись дальше.

— Она сказала «не».

— Или начала слово «Нера». Мы не знаем.

Эва сняла контакты. На коже остались три красных кружка.

— Что ты почувствовала первым?

— Мокрую ткань.

— Не увидела?

— Почувствовала запах. Потом холод на лбу.

Эва посмотрела на показания ручного считывателя.

— Это первый зуб ключа. Запах мокрой ткани, смешанный с железной пылью. Отклик почти полный.

— Почти?

— Браслет запросил продолжение. Голос, тепло руки или движение. Если дать всё, он откроет глубокий слой.

Нера поднесла пальцы к носу. Они пахли только металлом контактов. Но память о мокром плаще оставалась такой ясной, что ей захотелось снова включить генератор.

— Сейчас запах не изменился? — спросила Эва.

— Нет.

— Уверена?

Нера закрыла глаза и вызвала двор ещё раз. Верёвка. Серые плащи. Холодная ткань. Смех Лады. Запах пришёл, но уже слабее. Возможно, потому что она испугалась. Возможно, браслет действительно взял малую часть.

— Не уверена.

Тар убрал руки от рукояти.

— Больше не включаем, пока не поймём цену.

— А вода? — спросила Нера.

— Вода требует дойти до станции. Голос твоей матери не обязан открывать нам дорогу прямо сейчас.

Снаружи свистнула Ода.

Все замерли. Ким скатился со склона и вбежал в пост.

— На дороге трое. Два серых плаща Дома и Сал.

— Как далеко? — спросил Тар.

— Меньше километра. Идут быстро.

Эва завернула браслет. Нера забрала пластинки с материальными следами и спрятала их между листами бумажной карты. Если Сал получит носитель, у них останется способ доказать, что запись создана живым телом после официальной смерти.

Тар открыл заднюю дверь поста. За ней начиналась узкая тропа вдоль трубы.

— До станции ещё восемь километров, — сказал он. — На открытой дороге нас догонят.

— Есть старый служебный спуск, — ответила Нера. — По рейке путь дважды уходит к северному склону. Первый поворот должен быть здесь.

Она нашла на стене каменную точку и провела от неё направление по бумажной карте. Тропа уходила между плитами в сухое русло.

Эва сунула свёрток с браслетом Нере.

— Теперь не прячь его от меня.

— А ты не подменяй мои ответы.

— Договорились.

Они вышли через заднюю дверь. Тар задержался, закрыл ручной привод и оставил на столе обычную ремонтную ведомость. Она не обманет Сала надолго, но покажет правду: вода действительно уходила на север, и аварийная бригада шла за ней.

В сухом русле воздух был холоднее. Нера прижимала браслет к груди через защитную ткань. Теперь она знала, что поздний слой не подделан цифровой копией и не добавлен спустя годы. Девять часов принадлежали телу Лады — усталому, мёрзшему, двигавшемуся по этой дороге.

Она знала и цену двери.

Первым ключом оказался запах мокрой ткани, память о дожде и материнском смехе. Чтобы услышать последний разговор, Нере, возможно, придётся отдать не сведения о том дне, а саму способность почувствовать, что он был её жизнью.

На дороге позади хлопнула дверь водяного поста.

Голос Сала донёсся по сухому воздуху:

— Нера! Я знаю, что браслет у вас. Не заставляйте меня перекрыть северную линию.

Тар посмотрел на дрожащую трубу у края русла.

— Он не перекроет. Тогда вода останется в городе, но дальний затвор может сорвать окончательно.

— Сал умеет выбирать потери за других, — сказала Нера.

Она убрала браслет в полевой мешок и пошла глубже в русло.

Полный голос Лады оставался закрыт. Но материал уже сказал главное: после своей официальной смерти она шла на север живой.

Глава 6. Последний разговор

Сухое русло сперва казалось укрытием. Его стены поднимались выше человеческого роста, дорога исчезла из виду, а шум воды в старой трубе заглушал шаги. Потом русло сузилось, и Нера поняла, что они вошли в длинный каменный мешок.

Труба шла по левому краю, местами проваливаясь под осыпь. Справа тянулась отвесная стена. Впереди русло делало поворот, за которым ничего не было видно. Если Сал отправил одного хранителя по дороге, а сам спустился следом, выйти можно было только к северу.

— Быстрее, — сказал Тар. — Он не станет перекрывать линию у поста. Там обычный кран, он эту ветвь не удержит.

— Тогда зачем угрожал? — спросил Ким.

— Чтобы мы остановились и начали спорить.

Нера оглянулась. За ними пока была только пыль, но голос Сала до сих пор звучал близко. Он знал эти линии лучше большинства живых мастеров. Двенадцать лет назад он закрывал северный путь вместе с Ладой. Если в бумажной карте оставался короткий обход, Сал найдёт его первым.

Мешок с браслетом бил Неру по бедру. После пробного чтения запах мокрой ткани возникал без просьбы: стоило услышать воду или шорох плаща. Каждый раз двор возвращался чуть иначе. То верёвка была натянута между трубами, то между столбами. То Лада смеялась слева, то за спиной. Нера пыталась не проверять память снова. Слишком частое узнавание могло стереть её и без машины.

Впереди Ода остановилась у осыпи.

— Дальше завал.

Тар полез вверх, сдвинул плоский камень и выругался. Под ним лежала смятая решётка водосброса. Через прутья был виден тёмный проход, но человеку не протиснуться.

— На карте здесь должен быть поперечный канал, — сказала Нера.

Она достала бумажные листы. Между ними лежали пластинки Эвы с материальными следами Лады. Нера развернула карту на трубе и прижала углы камнями. Рейка на старом заказе отмечала не само русло, а точки, от которых измеряли склон. У последней точки стояли две короткие черты.

— Ручной узел, — сказала она. — До перестройки здесь был спуск к натяжному колесу.

— Под завалом? — спросил Ким.

— Не обязательно. Люк не ставили бы в водосбросе.

Они искали вдоль стены. Тар простукивал камень рукоятью ключа, Ода отгребала пыль сапогом. Эва держала браслет под плащом, защищая от мелкой крошки. Нера заметила на скале три царапины, слишком ровные для природных трещин. Ниже из пыли выступал край металлической петли.

Люк оказался узким и тяжёлым. Впятером они сдвинули его только на ладонь. Из щели потянуло холодом и смазкой.

Сзади по руслу стукнул камень.

— Нера! — крикнул Сал. — У вас впереди решётка. Не лезьте в натяжной колодец, там трос под нагрузкой.

Тар замер.

— Он не врёт, — тихо сказал он. — Если дальний затвор тянет воду, трос может разрезать человека пополам.

— Есть другой выход? — крикнула Нера.

— Вернитесь и отдайте носитель. Я проведу вас по дороге.

— Значит, нет.

Они снова навалились на люк. Металл прошёл по камню с протяжным скрежетом. Под ним открылся спуск со скобами. Внизу, в нескольких метрах, двигалась блестящая стальная нить. Она уходила через колесо в северную темноту и дрожала от каждого удара воды.

Тар спустился первым. Он дождался, когда трос отклонится к дальней стене, переступил на площадку и показал остальным, куда ставить ноги. Ода и Ким ушли следом. Эва передала Нера ящик, затем браслет и полезла вниз.

Сал появился за поворотом русла. Он шёл один, без серого плаща, с короткой трубой аварийного зажима в руке. Хранители остались выше. Сал не бежал. От этого становилось страшнее: он был уверен, что выход у них один.

— Подождите, — сказал он уже без крика. — Натяжное колесо держит северный затвор. Срежете шпильку — получите всю воду в старый тоннель.

— Мы не собираемся ничего резать.

— Вы уже разбудили браслет на ручном токе. Я видел след на ограничителе. Второй раз он потребует больше. Здесь проводка идёт рядом с датчиком натяжения.

Эва снизу подняла голову.

— Он прав только наполовину. Если включать от местного ящика, помеха попадёт на датчик. У меня отдельный привод.

— Ваш привод рассчитан на проверку, — ответил Сал. — Глубокий слой высадит его за минуту. Тогда вы подключитесь к узлу. Я знаю Эву.

— Плохо знаете, — сказала она и скрылась в колодеце.

Нера задержалась у края.

— Почему вы так боитесь одного разговора?

Сал остановился в десяти шагах.

— Я боюсь не разговора. Дальний затвор открыт, давление растёт, а вы несёте ключ к старой станции, где каждая личная запись связана с общей стойкой. Откроете один слой неправильным током — разбудите сотни. Дом увидит их одновременно. Специалисты замолчат, пока мы проверяем заражение. Через сутки у Тара остановятся насосы, потому что живые мастера не знают половины старых переделок.

— Заражение или несогласие?

— Пока не проверили, разницы нет.

Это была фраза человека, привыкшего принимать решение до того, как появится уверенность. Нера представила водяную службу без Ивена Ро, больницу без копий хирургов, семенную башню без голосов тех, кто помнил первые засухи. Сал не выдумывал цену. Он только снова назначал, кто должен её платить.

— Поэтому вы подменили время уничтожения Лады?

Его лицо не изменилось, но рука сильнее сжала аварийный зажим.

— Спускайтесь, если решили. Только не касайтесь троса. Я не дам людям погибнуть ради того, что вы ещё не умеете прочесть.

Нера убрала карту в куртку и полезла вниз.

Колодец выводил в низкую комнату под руслом. В центре вращалось натяжное колесо размером с человека. Трос проходил через него рывками: натягивался, ослабевал, снова натягивался. Каждый рывок отзывался в стенах тяжёлым гулом.

На дальней стороне была дверь. Тар сорвал с неё засохшую пломбу водяной службы и повернул ручку. За дверью начинался служебный ход вдоль трубы. Здесь можно было идти только согнувшись, зато через сто шагов ход поднялся и вывел их в старый распределительный узел.

Помещение сохранилось лучше постов. Каменный потолок держался на четырёх колоннах. Вдоль стен стояли пустые шкафы, а в полу сходились три трубы: городская, северная и

тонкая ветвь к станции. Над каждой висело ручное колесо. Северное медленно поворачивалось само, дёргаясь в такт тросу.

— Закрыть можем? — спросила Нера.

Тар положил ладонь на обод и тут же убрал.

— Можем попробовать. Если станционный затвор открыт полностью, давление ударит обратно в город. Сначала надо увидеть дальний узел.

До станции оставалось меньше четырёх километров. Но Сал войдёт в колодец через несколько минут, а дальше им негде спрятаться.

Эва открыла один из пустых шкафов. За ржавой дверцей обнаружилась керамическая полка и заводной разъём.

— Ручная проверочная ячейка, — сказала она. — Не связана с общей стойкой. Здесь сверяли личные браслеты до ввода станции.

— Ты хочешь читать сейчас? — Тар посмотрел на дверь, через которую они пришли.

— Не весь слой. Нам нужно знать, что Сал собирается прятать. И нужен довод, с которым мы войдём на станцию не как воры.

— Он идёт сюда лично. Это достаточный довод.

— Для нас. Не для колонии.

Эва проверила провода. Один рассыпался у неё в пальцах. Она заменила его тёмной лентой из ящика, закрепила контакты и поставила ручной считыватель на полку.

Нера не отдавала браслет.

— Сколько возьмёт второй запуск?

— Если остановлюсь на внешней речи, немного. Но замок уже узнал первый зуб и попросит следующий. Чем дольше слушаем, тем сильнее он будет удерживать отклик.

— «Немного» — это что?

— Запах может побледнеть. Ты будешь помнить двор, плащи, дождь. Но, возможно, перестанешь чувствовать железную пыль именно так, как чувствовала рядом с Ладой.

— А полное чтение?

Эва посмотрела прямо на неё.

— Потребуется не одного эпизода, а всей связки. Запах мокрой ткани. Тепло ладони. Тембр голоса. То движение, которым она убирала волосы с твоего лба. Браслет не копирует их, как слова на бумагу. Он заставляет мозг собирать узнавание, пока дорожка не откроется, и пишет ответ поверх ключа. После этого ты сохранишь сведения о матери, но можешь перестать узнавать её как свою.

— Навсегда?

— Мы не умеем возвращать выработанную дорожку. Новые воспоминания можно создать только с живым человеком.

Лада была мертва двенадцать лет. Новых воспоминаний не будет.

Ким сел у двери и прижал ухо к металлу.

— Шаги в ходе.

Нера положила браслет на полку.

— Только внешний обрывок. Как только запросит тепло или голос — выключай.

— Я выключу раньше, если показатели пойдут вниз.

— Даже если там останется одно слово.

— Даже если останется имя.

Тар взял рукоять привода. Ода встала рядом с дверью, держа обычный разводной ключ. Нера села перед полкой и приложила пальцы к мягким контактам.

Первый оборот ничего не дал. На втором браслет засветился серой линией. На третьем из крошечного отверстия потянуло влажным воздухом.

Нера знала, что в комнате сухо. И всё равно почувствовала дождь.

Мокрый плащ коснулся её лба. Лада прошла совсем рядом, делая вид, что не замечает спрятавшуюся дочь. Нера услышала смех и сжала пальцы. Голубая линия дошла до застёжки.

— Не отдавай приказ Салу, — произнесла Лада.

Голос был тихим и запыхавшимся. На заднем плане что-то било по металлу.

— Он заменил лист эвакуации. В городском списке только центральные дома. Северный склон вычеркнут. Там ещё люди.

Послышался чужой голос, далёкий и неразборчивый. Лада ответила не в браслет:

— Скажи им идти к четвёртой станции. Я открою нижнюю дверь.

Запись хрустнула. Влажный запах стал сильнее. Перед Нерой возникла ладонь матери — широкая, с белой полоской старого ожога у большого пальца. Лада протягивала руку из-под мокрого плаща.

Браслет нагрел контакты.

— Закрывай, — сказала Нера.

Эва уже тянулась к размыкателю, но запись продолжилась:

— Если Сал принесёт второй лист, не верь печати. Он снял её с приказа о пыльной буре. Я видела...

Свет стал ярче. Нера почувствовала тепло ладони так ясно, будто могла вложить в неё пальцы.

Эва разомкнула цепь.

Серая линия погасла, голос оборвался на вдохе. Тар отпустил рукоять.

Несколько секунд Нера сидела неподвижно. Дождь исчез. В комнате пахло старым камнем и маслом натяжного колеса.

— Вызови двор, — сказала Эва.

Нера закрыла глаза. Верёвка появилась сразу. Плащи висели тяжёлые, вода стекала с краёв. Она знала, что прячется под одним из них. Лада искала её.

— Запах?

Нера вдохнула. Мокрая ткань пахла водой. Железной пыли не было.

Она попробовала ещё раз и вспомнила, что запах должен быть металлическим. Знание осталось, но тело не отвечало.

— Пыль ушла, — сказала она.

Эва записала показания на бумаге.

— Не вся связка. Первый зуб стёрся по краю. Не пытайся сейчас повторять.

— Она протягивала руку.

— Ты почувствовала тепло?

— Да.

— Это следующий зуб. Браслет перешёл к нему, поэтому я остановила.

Тар смотрел на погасший корпус.

— Запись доказывает подмену приказа?

— Она доказывает, что Лада обвинила Сала, — ответила Нера. — Пока только это.

— И называет четвёртую станцию местом эвакуации, — сказала Эва. — Если там остались списки, печать или следы людей, слова станут проверяемыми.

— А если не остались?

— Тогда это свидетельство испуганной женщины, а не окончательная правда.

Нера была благодарна ей и за это. После голоса матери хотелось объявить Сала виновным немедленно. Но двенадцать лет назад город пережил бурю, обрыв связи и нехватку воды. Один подменённый лист мог оказаться преступлением, а мог — страшным выбором между районами. Разница находилась не в силе Нериного чувства, а на станции.

За дверью шаги прекратились.

Сал не постучал. Он повернул внешнее колесо, но Ода заранее просунула ключ между ручкой и косяком. Металл напрягся.

— Я слышал привод, — сказал Сал через дверь. — Сколько вы открыли?

Никто не ответил.

— Эва, проверь Нере пальцы. Если красные круги с белой серединой, дорожка уже взяла сосудистый ответ. Второй запуск сегодня опасен.

Эва посмотрела на руку Неры. Следы были красными, без белых точек.

— Он снова прав наполовину, — прошептала она.

— Что было в городском приказе? — спросила Нера громко.

За дверью стало тихо.

— Откройте, — сказал Сал.

— Лада говорит, вы заменили лист эвакуации. Вычеркнули северный склон и взяли печать со старого приказа.

Ручка перестала давить на ключ Оды.

— Она сказала, сколько людей было на склоне?

— Нет.

— Сказала, что городской тоннель уже был закрыт обвалом?

— Нет.

— Сказала, что на центральной площади стояли восемьсот человек и ветер менялся к ним?

— Нет.

— Тогда вы слышали обвинение без решения, которое к нему привело.

— Поэтому вы стёрли продолжение?

— Я ничего не стирал из этого браслета.

Фраза была точной. Слишком точной.

— Из этого, — повторила Нера.

Сал выдохнул за дверью.

— Откройте. Северная линия сейчас тянет в пустой резерв. Через сорок минут давление опустится ниже запуска городского насоса. У нас останется один рабочий цикл. Мне нужен носитель, а Тару — доступ к дальнему затвору. Можете ненавидеть меня по дороге.

Тар подошёл к колесу северной ветви. Стрелка старого указателя дрожала у красной черты. Вода действительно уходила. Сал мог врать о причине двенадцатилетней давности, но нынешнее давление было перед глазами.

— Если отдадим браслет, он повезёт его в Дом, — сказала Эва.

— Если не откроем, он приведёт хранителей через второй вход, — ответил Тар. — У таких узлов всегда два выхода.

Нера сняла браслет с полки и завернула в сетку. Воспоминание о дворе лежало внутри неё неполным: мокрые плащи, материнский смех, холодный край на лбу — и пустое место там, где прежде была железная пыль. Маленькая утрата уже случилась. Она не давала права платить всей связкой вслепую.

— Сал, — сказала она. — Мы идём к четвёртой станции вместе. Браслет остаётся у меня. Эва хранит материальные слепки. Тар управляет водой. Вы не подключаете нас к Дому и не зовёте хранителей внутрь.

— Вы ставите условия, запершись в моём узле?

— В узле водяной службы.

Тар невесело усмехнулся.

— Она права.

Сал помолчал.

— Я войду один. Аварийный зажим оставлю в проходе. Хранители останутся у русла. Но браслет до станции несёт Эва, не вы.

— Почему?

— Потому что после второго чтения вы будете выбирать между уликой и голосом матери. Я не доверяю такому выбору. И вы не должны доверять.

Нера хотела возразить, но не нашла честного ответа. Она передала свёрток Эве.

Ода вынула ключ из ручки. Дверь открылась медленно.

Сал стоял на пороге без оружия и без плаща Дома. Волосы и плечи покрывала светлая пыль. За ним в тёмном ходе лежала короткая труба аварийного зажима, как он обещал. Он посмотрел сначала на стрелку давления, потом на ручной считыватель и только затем на Неру.

— Что вы потеряли? — спросил он.

— Не ваше дело.

— После личного чтения это всегда чьё-то дело. Поэтому такие носители нельзя открывать в бегстве.

Он шагнул в узел. Ода не опустила ключ. Тар встал между Салом и колёсами. Эва прижала браслет к боку.

Сал не попытался забрать его. Он подошёл к северному указателю и коснулся дрожащей стрелки.

— До станции тридцать пять минут быстрым шагом, — сказал он. — До потери запуска — сорок. Если Лада действительно открыла нижнюю дверь, мы сможем сбросить воду в городской резерв. Если нет, придётся резать трос здесь.

— А люди северного склона? — спросила Нера.

Сал поднял на неё глаза.

— Последний разговор не закончился там, где Эва выключила ток.

— Вы его слышали?

— Нет. Я был его второй половиной.

Он протянул руку не к браслету, а к двери на север.

— Идём. За носителем я пришёл лично, потому что Дом не должен услышать его раньше станции.

Глава 7. Удобные мёртвые

Они вышли из распределительного узла по северному ходу, оставив за спиной ручное колесо и дрожащую стрелку. Первым шёл Тар с бумажной картой, за ним Ода и Ким несли складные рычаги. Эва держала свёрток с браслетом под курткой. Сал замыкал цепочку, хотя знал дорогу лучше всех.

Ход поднимался вдоль трубы. В некоторых местах камень просел, и приходилось протискиваться боком между стеной и ржавым боком водовода. Труба гудела. Вода шла не туда, куда была нужна городу, и этот звук не давал забыть о сорока минутах.

Нера считала шаги, чтобы не считать утраченное. На шестьдесят третьем шаге она попробовала вспомнить мокрые плащи во дворе. Плащи были. Верёвка провисала. Лада смеялась где-то рядом. Железного запаха не было, словно кто-то аккуратно вырезал его из воздуха, не задев ни одного предмета.

— Вы знали, что чтение стирает ключ? — спросил Сал.

Нера не обернулась.

— Эва сказала.

— До запуска или после?

— До.

— Тогда это был ваш выбор.

— Не торопитесь облегчать себе жизнь.

Сал ничего не ответил. Он не просил прощения и не делал вид, что её потеря дала ему право на сочувствие. Это раздражало меньше, чем правильные слова раздражали бы сейчас.

Через двести шагов ход оборвался у круглой двери. Тар прижал ухо к металлу, потом взялся за рукоять. Дверь не двигалась. Ода вставила рычаг в паз, Ким упёрся плечом. Ржавчина осыпалась на пол, но запор выдержал.

— Воздушный карман, — сказал Тар. — За дверью давление.

Сал присел у нижнего края и провёл пальцем по белому налёту.

— Не вода. Пыльный ветер загнал воздух через шахту. Откроем резко — получим камнями в лицо.

Он достал из кармана тонкий ключ и открыл маленькую пробку над петлёй. Воздух свистнул, понёс песок. Все прижались к стенам. Через минуту свист ослаб, и дверь поддалась.

За ней лежала галерея с узкими окнами под потолком. День снаружи был медным. Пыль скребла стекла. До четвёртой станции оставалось чуть больше двух километров, но идти предстояло по старому служебному мосту над сухой расселиной.

Тар остановился у смотрового ящика и поднял крышку. Внутри вращался указатель расхода.

— Двадцать восемь минут, — сказал он. — Потом городской насос захватит воздух.

— Можно перекрыть здесь? — спросила Ода.

— Можно оборвать трос. Тогда дальний затвор останется как есть. Если он открыт, воду потеряем совсем.

Сал посмотрел на Эву.

— Отдайте браслет. Я верну людей к колесу, они перережут трос по моему сигналу. Вы дойдёте до станции налегке.

Эва прижала локоть к боку.

— Вы обещали не забирать.

— Обещал идти вместе. Время изменилось.

— Время изменилось на семь минут, — сказала Нера. — Браслет остаётся у неё.

Сал встал. За пыльным стеклом его лицо казалось выцветшим, как старый снимок.

— Вам кажется, будто я хочу спрятать один голос. Я удерживаю место, где мёртвые делают работу живых. Это не памятник, Нера. Уберите из Дома признанные копии на один день — и к вечеру начнут умирать люди.

— Удобно устроено.

— Устроено плохо. Другого у нас не было.

Тар захлопнул ящик.

— Спорить на мосту будете. Сейчас идём.

Галерея вывела их наружу. Служебный мост был не мостом, а двумя узкими балками с решётчатым настилом. Под ним на глубине тридцати метров белело старое русло. Ветер толкал людей в спину и швырял пыль между зубами. Трос северного затвора шёл вдоль перил, временами вздрагивая.

Они привязались к нему короткими ремнями и двинулись по одному. Тар дошёл до середины, когда трос рванулся. Балка отозвалась ударом. Ким упал на колено, Ода схватила его за куртку.

Сал крикнул:

— Не держитесь руками! Следующий рывок сильнее!

Трос снова натянулся. Ремень на поясе Неры дёрнул её к перилам. Эва ударилась плечом, свёрток под курткой хрустнул сеткой. Нера ухватила её за локоть.

— Цел?

— Браслет цел.

— Я про тебя.

Эва кивнула, хотя лицо у неё стало серым.

На другом конце моста Тар перерезал их страховочные ремни. Трос бился уже почти без пауз. От станции донёсся низкий скрежет.

— Затвор дошёл до упора, — сказал он. — Вода давит в пустой резерв.

— Семнадцать минут, — сказал Сал.

Они побежали.

Станцию ещё не было видно. Дорога шла между бетонными щитами, когда-то защищавшими трубы от камнепада. На одном щите сохранились выцветшие слова: «Четвёртый сбор — общий». Ниже кто-то много лет назад зачеркнул «общий» и написал углём «северный».

— Вот из-за таких слов всё началось? — спросила Нера, не замедляя шага.

Сал прочитал надпись.

— Началось раньше. В день обрыва связи никто не знал, окончательный он или нет. Метрополия должна была прислать новые ключи к медицинским установкам, расчёты семенного фонда и людей для второй водяной смены. Мы ждали неделю. Потом месяц. К тому времени хирург Мелла умерла от заражения крови.

— Её копия была в Доме.

— Не в Доме. Тогда копии хранили семьи. Муж Меллы запер носитель в квартире и требовал место на первом корабле, если связь вернётся. У нас не было корабля, но ему было нужно обещание. В больнице лежали трое с разрывами живота после обвала.

Они обогнули щит. Сал говорил ровно, экономя дыхание.

— Мы вскрыли квартиру. Копия Меллы отказалась работать, пока не увидит согласие мужа. Он сказал, что это не она. Она ответила, что тогда и её знания ему не принадлежат. Они спорили четыре часа. Двух раненых спасли. Третий умер на столе, пока копия вспоминала переделку старого зажима.

— И вы решили, что копиям нельзя отказывать?

— Мы решили, что навыки, от которых зависит жизнь колонии, нельзя держать семейным заложником. Через год это решение стало законом. Ещё через год люди начали приносить носители добровольно.

— После уничтожения оригинала.

— Тогда считали, что две версии одного человека опаснее одной смерти.

— Кто считал?

— Все, кто видел драку у семенной башни.

Дорога сузилась. Слева тянулась труба, справа начинался осыпавшийся склон. Нера видела впереди спину Тара и считала его шаги вместо собственных.

— Расскажите, — сказала она.

— Не сейчас.

— Вы сами начали.

Сал посмотрел на дрожащий трос.

— Две копии агронома сохранились с разницей в три месяца. Одна велела оставить запас холодостойкого зерна, вторая — пустить его в посев. Обе были настоящими. Обе помнили свои расчёты. Семьи выбрали ту, чьё решение давало больше пайков сразу. Рабочие башни выбрали другую. За ночь вскрыли два склада, пересыпали мешки, сломали охлаждение и потеряли половину запаса. Наутро каждая сторона говорила голосом одного и того же мёртвого человека.

— Значит, виноваты люди.

— Конечно. Мёртвые не таскали мешки. Но когда у страха есть безупречный голос специалиста, страх перестаёт слышать соседей.

Нера подумала о словах Лады: «Не верь печати». Голос матери уже заставил её бежать к станции. Если бы вместо браслета у неё был приказ открыть затвор немедленно, она могла бы выполнить его, не спросив, куда пойдёт вода.

Мысль была неприятной именно потому, что не оправдывала Сала и всё же давала ему часть правды.

Впереди Тар остановился. Из разрыва трубы была тонкая струя. Вода уходила в песок, мгновенно темневший и снова светлевший на ветру.

— Девять минут, — сказал он. — Станция за поворотом.

Ода с Кимом наложили на разрыв широкую ленту и затянули её рычагами. Струя стала тоньше, но не исчезла.

— Бегите, — велел Тар. — Мы дождём и догоним.

Нера, Эва и Сал побежали дальше. Пыль резала глаза. Нера слышала, как браслет стучит под курткой Эвы в такт шагам.

— В день эвакуации, — сказала Нера, — вы тоже выбрали одну версию ради порядка?

— В тот день копий ещё не спрашивали.

— Лада говорит, вы подменили лист.

— Подменил.

Прямой ответ сбил шаг сильнее, чем отрицание.

— Сколько людей было на северном склоне?

— Сто восемьдесят шесть по утренней отметке. Возможно, больше. На центральной площади — восемьсот четырнадцать. Пыльная буря шла к городу, а транспорт мог сделать один рейс.

— Лада направила северных сюда.

— Нижняя дверь вела в резервный зал. Он выдержал бы бурю. Но тоннель к нему уже просел. Я получил сообщение от обходчика: первый автобус застрял в обвале. Если бы второй пошёл следом, мы потеряли бы транспорт и людей на площади.

— Поэтому вы вычеркнули склон.

— Я поставил центральную площадь первой. Лада увидела черновик и решила, что я бросил северных. Она сняла старую печать и сделала второй лист, где четвёртая станция была укрытием. Я забрал печать и заменил оба листа одним.

— Своим.

— Да.

— Не предупредили людей на склоне.

Сал споткнулся, но удержался.

— Предупредил. Послал бегунов к верхней дороге. Один дошёл. Люди спустились к старым водосборникам. Семьдесят два пережили бурю там.

— А остальные?

— Мы нашли сорок три тела. Остальных не нашли.

Нера продолжала бежать. Ветер сушил рот. Сто восемьдесят шесть человек не помещались в число, когда за ним стояли мокрые плащи, руки и голоса. Восемьсот четырнадцать на площади тоже не помещались.

— Почему скрыли лист Лады после бури?

— Потому что город уже дрался за воду. Потому что северные считали, что центральные украли транспорт. Потому что на площади говорили, будто склон хотел запереть общий затвор. И потому что мой приказ спас больше людей, чем её приказ мог спасти по моим тогдашним сведениям.

— По вашим сведениям.

— Других у меня не было.

— А потом появились поздние слои.

Сал не ответил.

Дорога повернула, и станция открылась перед ними. Низкое здание было наполовину врезано в склон. Главная дверь стояла закрытой, над ней вращалось красное колесо затвора. Трос входил в стену через рваный кожух. Рядом белела шахта нижней двери, заваленная камнем.

Тар крикнул сзади:

— Пять минут!

Сал бросился к главному колесу. Оно не поддавалось. Нера и Эва навалились вместе с ним. Металл двинулся на ширину пальца и встал.

— Запор изнутри, — сказала Эва.

— Нижняя дверь, — ответила Нера.

Они подбежали к завалу. Камни лежали старые, слежавшиеся, но между ними тянулась узкая щель. Из щели дул холодный воздух.

Тар, Ода и Ким добрались до станции. Все пятеро начали разбирать камни. Пальцы скользили, ногти ломались. Под верхним слоем обнаружилась металлическая створка. На ней сохранилась тёмная полоса от ладони.

— Здесь открывали после обвала, — сказала Нера.

Сал провёл по полосе рукавом. Под пылью показались четыре буквы, выцарапанные острым предметом: «ВНИЗ».

Тар сунул рычаг в щель. Створка отступила, но за ней что-то упёрлось.

— Давайте вместе.

Они взялись втроём. На втором толчке изнутри хлынул холодный воздух. На третьем дверь открылась настолько, что Ким протиснулся внутрь. Через несколько секунд он крикнул:

— Здесь ручной сброс! И колесо заклинено цепью!

Тар полез следом. Из темноты донёсся звон металла.

— Цепь новая? — крикнул Сал.

— Старше меня. Намотана намеренно.

Нера включила фонарь и протиснулась в щель. За дверью шла лестница вниз. На площадке лежали сгнившие мешки, детская кружка и две пары обуви. Значит, сюда всё-таки пришли люди. Не сто восемьдесят шесть, но не ноль.

Внизу Тар бил по цепи рычагом. Колесо ручного сброса было связано с дальним затвором. Цепь обмотали вокруг оси и закрепили старым замком.

Сал опустился рядом.

— Это мой замок.

— Вы заперли сброс? — Нера направила свет ему в лицо.

— После бури. Когда вода пошла в разрушенный резерв. Я велел закрыть станцию.

— Лада открыла её до бури.

— Похоже, да.

Тар оттолкнул его плечом.

— Вспоминать будете после. Ким, резак!

Резак был ручным, с коротким полотном. Ким пилил замок, Тар удерживал цепь. Ода вставила второй рычаг под звено. Нера увидела на стене ряд царапин, как будто люди отмечали дни. Рядом были имена. Некоторые повторялись в списках погибших, которые она читала ребёнком в Доме памяти.

Сал тоже увидел их. Он коснулся имени «Мира Ковен», потом отдернул руку.

Замок лопнул. Цепь с грохотом упала. Все взялись за колесо. Оно пошло тяжело, затем быстрее. В трубе под полом что-то ударило. Гул изменился: вода больше не тянула к пустому резерву, а уходила по городской ветви.

Тар посмотрел на переносной указатель.

— Есть давление. Насос захватит. Ещё оборот.

Они повернули колесо до отметки. Трос наверху перестал биться.

Несколько секунд никто не говорил. Слышно было только воду под полом и тяжёлое дыхание.

— Значит, единый архив снова не понадобился, — сказала Нера.

Сал сидел у стены, глядя на имена.

— Вы нашли дверь потому, что слышали Ладу. Тар повернул колесо потому, что живой мастер знает воду. А я помнил замок. Не выбирайте удобную версию только потому, что она теперь ваша.

— Я и не выбираю. Я хочу сохранить все три.

— Все три будут спорить, кто спас город.

— Пусть спорят. Вода от этого не повернёт обратно.

Сал поднялся.

— В прошлый раз повернула. После бури северные отказались чинить центральный насос. Центральные перекрыли им пайки. Мы три дня держали распределение только потому, что копия Ивена Ро назвала один порядок справедливым и обе стороны ему подчинились.

— Один порядок или ваш порядок его голосом?

Сал посмотрел на неё устало.

— Тогда я впервые понял, насколько полезны мёртвые, которые не могут узнать, что мы сделали после их снимка.

Эва вынула браслет из-под куртки.

— И всё равно продолжили.

— Да.

Он сказал это без защиты.

— Сначала мы убирали поздние слои из рабочих советов. Потом из семейных дел. Потом решили, что само их существование разрушает доверие к признанным копиям. Каждый шаг казался временным. Каждый спасал сегодняшний день. Через двенадцать лет временное стало устройством города.

Нера подошла к ряду имён. Здесь были люди, которым официальный список назначил смерть на склоне. Некоторые выжили в нижнем зале хотя бы несколько дней. Их поздние

часы не изменяли того, что копии специалистов помогали больнице и воде. Но единая история забрала у них даже право умереть в настоящем месте.

— Отдайте браслет, — сказал Сал. — Не мне. Оставьте его здесь до общего решения. Если вы принесёте запись в город сейчас, люди услышат только подменённый лист. Ивен замолчит, Мелла замолчит, агрономы замолчат. Не потому, что они виноваты, а потому, что никто не будет знать, какие их слова оставлены, а какие выбраны нами.

— Это разумный страх, — ответила Нера.

Сал впервые за всё утро растерялся.

— Тогда вы понимаете.

— Понимаю. Поэтому браслет не попадёт ни к вам, ни в Дом. Мы опишем зал, снимем имена, проверим материальные следы и найдём остальные носители. А запись прочитаем при свидетелях, когда сможем отделить её слова от приказа.

— Пока вы будете проверять, слух дойдёт первым.

— Пусть Дом сам расскажет, что нашёл поздние слои.

— Совет не согласится.

— Вы смотритель. Начните с себя.

Сал взглянул на главную лестницу. Наверху, за закрытой дверью, щёлкнуло старое реле. Станция получила ток от водяного движения. По стене одна за другой загорелись тусклые лампы.

В дальнем конце зала проступили стеллажи.

На них лежали браслеты.

Не десятки — сотни. Одни были завернуты в ткань, другие висели на крючках с бумажными ярлыками. Между рядами стояли ящики с печатями и листами. Кто-то собрал здесь всё, что не должно было войти в единую историю.

Эва сделала шаг к стеллажам. Её собственный свёрток отозвался голубой полосой.

Сразу несколько браслетов на полках засветились в ответ.

— Не двигайтесь, — сказал Сал.

Из потолочного громкоговорителя послышался треск. Станция пыталась связаться с Домом по старому проводу. Эва выдернула ближайший кабель из стены. Свет на полках остался.

Потом заговорил другой голос — чистый, спокойный, знакомый Нере до боли.

— Нера, если ты это слышишь, ты пришла на четвёртую станцию.

Это была архивная Лада, не поздняя запись. Признанная копия говорила через браслет Эвы, используя открывшийся местный передатчик.

— Мама? — слово вырвалось прежде, чем Нера успела решить, имеет ли право так её называть.

— Я вижу только отметку станции. Я не вижу, что рядом с тобой. Не подключай полки к Дому.

Сал шагнул к передатчику.

— Лада, откуда ты знаешь об этом месте?

— Не знаю. У меня нет воспоминания о станции после снимка. Но двенадцать лет назад я оставила себе условие: если откроется четвёртый узел, обратиться к Нере раньше смотрителя.

— Почему не сказала раньше? — спросила Нера.

— Потому что условие не содержало причины. Только действие.

На полках прибавилось голубых огней. Эва смотрела на показатели ручного считывателя.

— Связь тянет ключ, — сказала она. — Нужно оборвать.

Нера подошла ближе, не касаясь браслета.

— Лада, здесь твоя поздняя запись. Она обвиняет Сала в подмене листа. Здесь имена людей, которых считали погибшими на склоне.

В громкоговорителе было слышно слабое дыхание копии — привычка тела, которая цифровому голосу не требовалась.

— Сал рядом?

— Рядом.

— Он признал подмену?

— Да.

— Тогда я прошу тебя сделать то, чего сама сделать не могу.

Сал закрыл глаза. Он, кажется, уже знал следующие слова.

— Не отдавать Дому?

— Уничтожить позднюю запись Лады Вайс, — сказала архивная Лада. — Сейчас. Пока она не разрушила всё, что удерживает Сухой Берег живым.

Глава 8. Северный путь

— Нет, — сказала Нера.

Голубые огни на полках горели неровно, будто сотни браслетов дышали в темноте. Вода шла под полом и заставляла дрожать решётку у ног. Архивная Лада молчала всего несколько секунд, но Нера успела услышать в этом молчании знакомую паузу: мать всегда так задерживала ответ, когда боялась сказать лишнее при ребёнке.

— Ты не понимаешь, что может случиться, — произнесла копия.

— Ты тоже не понимаешь. Ты не видишь зал.

— Поэтому я прошу не открывать его.

— Ты просишь уничтожить слова женщины, которой была до снимка.

— Я не была ею после снимка.

— Именно.

Сал отвернулся к стене с именами. Эва держала считыватель обеими руками. Световая полоса на приборе медленно ползла к красной черте.

— Ещё минута, и связь снимет следующий кусок ключа, — сказала она. — Может уйти тепло ладони. Потом мы не вернём его простым отдыхом.

Нера смотрела на браслет в её руках. Ей хотелось задать Ладе десятки вопросов: знала ли она заранее, что копия согласится на стирание; почему оставила условие именно для четвёртого узла; боялась ли собственной поздней версии сильнее Сала. Но каждый вопрос оплачивался тем, как мать держала её руку в холодном коридоре «Кедра». Эта теплота уже стала слабее после двух чтений. Нера знала факт прикосновения и ещё могла вызвать телесный отклик, однако он приходил не сразу, словно из соседней комнаты.

— Я сохраню запись, — сказала она. — И не позволю ей стать приказом только потому, что это голос Лады. Твои слова тоже останутся. Но решать, какая из вас настоящая, я не буду.

— Тогда другие решат за тебя.

— Пусть сначала увидят, что здесь было.

— Нера, я пытаюсь сохранить тебе город.

— А я пытаюсь сохранить городу прошлое, которое не подогнали под сегодняшний страх.

Она кивнула Эве. Та одним движением вырвала две тонкие жилы из гнезда считывателя. Голос оборвался на вдохе. Голубая полоса на браслете погасла, но огни на стеллажах остались.

Нера сжала правую ладонь. В ней ещё жило ощущение материнских пальцев — сухая кожа у основания большого пальца, короткий ноготь, маленькая мозоль от ремня сумки. Она перечислила всё про себя, проверяя не знание, а узнавание. Тепло пришло. Слабое, но своё.

— Сколько потеряно? — спросила она.

Эва посмотрела на прибор.

— Не знаю. Связь потянула не сам слой, а подход к нему. Больше сегодня браслет не открываем.

— И завтра, — сказал Тар. — Пока не вынесем отсюда воду и людей.

Ода стояла у лестницы и прислушивалась.

— Машина на верхней дороге.

Ким погасил фонарь. В тишине стало слышно далёкое урчание двигателя. Оно то пропадало за каменными щитами, то возвращалось громче.

Сал поднял голову.

— Хранители. Старый провод успел передать открытие узла.

— Сколько их? — спросил Тар.

— Дежурная группа — четверо. Если совет уже собрался, следом будет ещё машина.

— Они имеют право войти?

— По закону Дом памяти имеет право изъять незарегистрированные носители умерших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.